

Борис Людковский
ПАРАФРАЗ ИЗ ЖИЗНИ МУЗЫКАНТА

Boris Lyudkovsky
Parafraz iz zhizni muzykanta
Paraphrase from the life of the musician

Cover design

Victor Barchenko – Виктор Барченко

Editing, proofreading

Valeriya Korennaya – Валерия Коренная

Copyright © 2017 Boris Lyudkovsky
All rights reserved

ISBN: 978-1978028234

No part of this book may be reproduced in any form,
except for the inclusion of brief quotations
in a review or article, without written permission
from the author or publisher.

Охраняется законом об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения автора.

Printed in the United States of America

Автор выражает благодарность: Надежде Хачатуровой (копирайтер, вебмастер), Любови Сероповой (поэт и соавтор песен), Аркадию Шейнину (корректировка начальных глав), Александру Гергилю (доброму советчику), детям – Алиске, Андрею и Владиславу – за поддержку, любимой супруге – певице Ляле Рублёвой.

ПАРАФРАЗ ИЗ ЖИЗНИ МУЗЫКАНТА

Борис Людковский

Нью-Йорк, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами книга воспоминаний, написанная музыкантом. Это – особая порода людей, в особенности, музыканты эстрады. Об их жизни пишут мало, а если и пишут, то приукрашивают, чтобы их нелегкая работа выглядела гламурно и сказочно, так же, как на сцене. На самом деле, никакой гламурности и сказочности в том, что они делают и через что проходят, нет. Это, прежде всего, тяжелый труд, который не должен быть виден зрителю. Это бессонные ночи в переездах по странам и городам, это изнурительные репетиции, во время которых оттачивается каждая нота, это непростые отношения в коллективе, с людьми, с которыми не только работаешь сутки напролет, но и гастролируешь. Еще труднее, если это музыкант, который, вместе со своей семьей, дважды сменил страну проживания.

Вы будете читать эти воспоминания и думать, что летите в поезде времени, останавливаясь на знакомых станциях, встречаясь взглядами со знакомыми людьми, обнимаясь с ними, а потом ваш поезд вновь мчится дальше, вперед, туда, где вы еще не были.

Джазовые и эстрадные музыканты умеют рассказать о самом трудном, о самых тяжелых моментах легко, светло и с юмором. Автору книги «Парафраз из жизни музыканта» Борису Людковскому это удалось настолько, что подчас я ловила себя на том, что не верится, что это было. Но я точно знаю, что всё написанное – правда. Многих

людей, о которых идет речь в этой книге, я знаю лично, и так же знаю не понаслышке о том, что очень непросто сохранять чувство юмора в тяжелых ситуациях и суметь о не самых порядочных людях рассказать тепло и беззлобно.

С музыкой по жизни идти легко. С любовью к коллегам-музыкантам и тем, с кем жизнь сталкивает в какие-то периоды – сложнее. Но если ты сам так же лёгок и светел, как автор этих воспоминаний, ты это сможешь.

Перед вашими глазами пронесутся кадры из документального фильма о жизни музыкантов, которые подрабатывали не только музыкой, но и развозили булочки и пирожки. В этой книге есть всё: от эстрады до цирка, от «Жигулей» в Израиле до «центра культуры и отдыха для пожилых людей» в Америке, от чудесного спасения от нищеты в виде летающих денежных купюр до работы на марокканских свадьбах, от студии звукозаписи в ванной комнате до кормильца – «красного унитаза». Вы узнаете, что заветную «грин-карту» в Америке можно получить, спев «Ой, цветет калина», вам откроются секреты шоу-бизнеса «по-русски» с обещанием облить певицу серной кислотой и многое другое, о чем вы даже не догадывались.

Одним словом, берите эту книгу в руки и читайте. Уверена, что вы получите удовольствие.

Валерия Коренная

Начну я своё повествование с самого начала, то есть, с 1968 года, когда поступил в музыкальное училище имени Гнесиных (Гнесинское Московское) по классу кларнета. До этого времени, то есть, с малолетства, я постоянно жил погружённый в «звуки му...». Мой дорогой папочка по имени Авраам Григорьевич, а среди музыкантов Гриша, был по профессии партийный барабанщик. Поясню. В те далёкие времена, а именно в 50-60 и т. д. годы, музыканты были уважаемыми людьми, не то, что сейчас, и профессиональных музыкантов было немного.

Отец совмещал прекрасную игру на ударных инструментах и партийную работу, которую очень любил и даже окончил университет марксизма-ленинизма, сидя за одной партой с Анатолием Папановым. Так вот, мой папа на протяжении тринадцати лет был парторгом Госцирка на Цветном бульваре, пятнадцать лет – председателем месткома Московского театра эстрады. Нетрудно догадаться, что с кларнетами, трубами, саксофонами, барабанами и пр. я был знаком с детства.

С представления в цирке увести меня было невозможно. По выходным я высиживал все три спектакля. Сидел на оркестровой подставке и крутился между манежем и оркестром. Всё мне было интересно. Уже будучи подростком, лет в двенадцать, часто ходил с папой в театр эстрады и влюбился в саксофон. Но заиграл на нём значительно позже, хотя помню, музыканты театра для смеха брали меня иногда на халтуры (тогда только начались первые КВН в телетеатре). Ансамбль из пяти человек стоял за кулисами. Чтобы записать в рапортичку шестерых, мне в руки давали саксофон-сопрано и говорили:

– Записывайте шесть, с нами Борька Людковский.

Так вот, время двигалось вперёд, полюбовавшись вдоволь на саксофон, я получил в руки валторну и был отправлен на лето в пионерский лагерь, в первый моей жизни оркестр под управлением Алика Григоряна, тромбониста оркестра театра, прекрасного человека, по прозвищу «Совнархоз».

Так начались «мои первые университеты». Кроме того, что я научился играть на валторне, узнал массу полезных для музыканта вещей и выражений типа: кирять, бирлять, лабать, чувиха, дупа и прочих. Как без этих слов может обходиться музыкант, даже трудно представить. Закалка удалась на славу. По приезду домой я начал трубить целыми днями. Моя мамочка, будучи человеком интеллигентным

и, к счастью, совсем не музыкантом, сказала папе, что это слишком, «от этой трубы можно получить проблему с головой» и «дома это слушать невозможно».

На флейтах я играть не буду

Папа повёл меня в ЦМШ, но его знакомый директор школы, сказал, что желающих «обучаться валторне у него больше нет, и он из-за меня одного педагога брать не будет». Посоветовал отдать меня

учиться на флейте. Папа отвёл меня в класс «флейтунов» посмотреть, как они занимаются. Войдя в класс, я увидел одних девчонок и твёрдо сказал:

— С девчонками играть на флейтах не буду!

Тогда с флейтой было покончено, но, оказалось, не навсегда. Впоследствии флейта мне очень помогла, и не где-нибудь, а в Америке, в начале эмиграции. Здесь я умудрился, без знания английского, научить играть на флейте... ученицу-китайку. И этот заработок был весьма кстати.

Следующим музыкальным инструментом стал для меня гобой. Да, этот нежный инструмент симфонического оркестра, на котором мне хотелось играть импровизацию. Один из первых ансамблей в ту пору был в таком составе: гобой, баян, гитара и барабаны. На гобое я играл в ансамбле московского дворца пионеров под управлением В. Локтева. Хорошие были времена. Мы ездили с ансамблем на гастроли по разным городам и весям. Учителя в школе за это меня невзлюбили. Я учился в 20-й школе, одной из первых в Москве «с английским языком». Уроки пропускал, а всем рассказывал, что был «на записи, на концерте и уроки приготовить не успел». В итоге, после седьмого класса мне пришлось проститься с этой замечательной школой (надо сказать, до сих пор дружу со многими ребятами из моего класса) и, отучившись год в знаменитой 110-й школе, я поступил в Гнесинку.

Тем из вас, дорогие друзья, кто скажет, что музыканту достаточно иметь среднее и высшее

музыкальное образование, и он уже профессионал, я могу легко возразить. Дело в том, что в нашем деле, как и в любом другом, важна практика. Для музыканта игра в оркестре – незаменимая вещь. У меня так по жизни и вышло. Отучившись год в Гнесинке у довольно сильного педагога и музыканта В. Е. Гетмана, я был брошен судьбой на срочную службу в армию, в оркестр Военно-дирижёрского факультета при МГК, где и началась моя музыкальная профессиональная жизнь.

Мои музыкальные университеты

Представьте оркестр из пятидесяти человек, исполняющий симфонические произведения: сюиты, различную эстрадную музыку... Вот это университет! Расскажу о тех людях, с кем довелось познакомиться в эти годы. Начну, пожалуй, с более старших выпускников консерватории, которым предстояло отслужить в армии после ее окончания. Это композитор Борис Ривчун, наш необыкновенный фаготист, настройщик роялей и хранитель органа зала Чайковского Игорь Кобызев, гобоист Андрей Баршай, барабанщик Юрий Ивченко, кларнетист Марк Зисман, валторнист-виртуоз Анатолий Шаропан, аккомпаниатор Иосифа Кобзона Алексей Евсюков, шоумен и трубач Александр Чиненков, прекрасный контрабасист и педагог Александр Михно и другие.

Отдельно расскажу о человеке, с которым меня связала большая братская дружба. Это великолепный, неповторимый аранжировщик и композитор Дмитрий Атовмян. Пишу о Диме,

а у самого наворачиваются слёзы. Он покинул нас совсем в мальчишеском возрасте – пятидесяти двух лет, к огромному сожалению, прожив только половину жизни. С Димкой мы познакомились в тот день, когда его привели на факультет учиться. Он пришёл из «кадетки» (военно-музыкального Суворовского училища) и с самого начала не хотел учиться на «факе», как его все называли. Но поначалу, если мне не изменяет память, его всё-таки пристроили на первый курс. Немного промучившись, он упросил руководство, чтобы ему дали возможность просто отслужить армию в оркестре и не становиться военным. Так мы и были неразлучны, целыми днями вместе. Именно тогда мы увлеклись джазовой музыкой seriously. Слушали в каптёрке, надев наушники, и балдели. Это был настоящий кайф.

Элла Фитцджеральд, Луи Армстронг, Чарли Паркер, Майлс Дэвис, Дюк Эллингтон – этот список можно продолжать долго. Мы их обожали. Тогда

я уже начал мечтать об Америке, но, забегая вперёд, скажу, что попал не в Нью-Йорк, а в Тель-Авив. «Ехал к Ленину в Разлив, а приехал в Тель-Авив. Вот какой рассеянный, сын Софьи Моисеевны».

Так вот, Боря Ривчун, о котором было сказано выше, в те времена писал классные оркестровки и не пользовался инструментом (фортепиано). Димка смотрел на него и, ему ужасно хотелось делать то же самое. Как впоследствии на вечере памяти, посвящённом Диме, сказал наш общий приятель, композитор Максим Дунаевский, Дима учился всему просто на лету. Так оно и было. Вскоре у Димы начали получаться первые оркестровые пьесы, которые мы исполняли в нашем военном джаз-бэнде. Димка был замечательным, добрым человеком с тонким чувством юмора. Мы постоянно шутили и хохмили на тему наших военных начальников. Например, начальник нашего оркестра, некий майор Коробейников, хороший дядька, только собирался куда-то выйти из кабинета, как Димка ему говорил:

– До свиданья, товарищ майор!

А он, странно посмотрев на нас, серьёзно отвечал:

– Я ещё не до свиданья.

Ещё у нас был супер-полковник, герой Советского Союза, он проводил с нами противопожарную подготовку. Он вдалбливал в нас, что «солдат обязан блюсти устав и следить за огнетушителями». Мы его

не слушали, сидели и смеялись. Как-то он разозлился и как закричит:

– И все должны быть пожарниками, ми, ми...

Мы с Атовмяном пропели:

– Ми бемоль...

Так пролетели наши армейские годы, после которых мы стали встречаться реже, каждый занялся чем-то своим. Димка писал виртуозные оркестровки, стал сотрудничать со знаменитыми людьми в сфере музыки. Союз композиторов поначалу к нему относился очень настороженно, в кулуарах стали называть его «американский мальчик», и не напрасно. Как видно, не прошли даром наши часы, проведённые в каптёрке. Димка ухватил американскую мелодику, структуру, звуки и, в Российском кинематографе зазвучал... Голливуд.

Диму признали, к нему стали обращаться все крутые «артисты–вокалисты». Все самые-самые запели под аранжировку Дмитрия Атовмяна: Алла Пугачёва, Тамара Гвердцители, Игорь Николаев и другие. Тут пошли интересные проекты, типа «Романса о влюблённых» с Александром Градским, большая и плодотворная работа с Максимом Дунаевским – это «Три мушкетёра», «Ах, Водевиль», «Карнавал» и многое другое. Дима выступал и в качестве аранжировщика, но как заметил Максим Дунаевский, также в качестве его соавтора. Мне тоже посчастливилось принимать участие в записях музыки в качестве саксофониста. Так, благодаря Диме и Максиму, я получил возможность поработать в самом лучшем коллективе на тот период – оркестре «Мелодия» под управлением Георгия Гараняна.

«Советская песня»

Пожалуй, я немного поспешил, рассказав об оркестре «Мелодия», так как эти события относятся к 1976-1978 годам, а пока что я отслужил армию и пришёл работать в Росконцерт, в оркестр «Советская песня». Шёл 1972 год.

Приход на эстраду был для меня чем-то невообразимым. Наконец-то: сцена, гастроли, классный, по тем временам, оркестр, джазовая музыка. Оркестром руководил композитор Алексей Мажуков, музыкальным руководителем был Володя Василевский, солисты – Евгений Мартынов и Нина Бродская.

Буквально через несколько месяцев после моего прихода, мы начали работать с иностранцами в программе «Мелодии друзей», «Золотая осень». Ну, просто предел мечтаний для молодого человека двадцати лет от роду. Гастроли проходят по всем столицам союзных республик. Мы молодые, весёлые, любим пошутить. Наша компания: Женя Мартынов, Матвей Аничкин (группы «Молодые голоса» и «Крузиз»), я и Леонтий (Лёлик) Атольян – наш клавишник. Все друг над другом подтрунивают. Женька Мартынов, садясь в автобус, каждый раз кричит Василию, нашему музруку:

— Предупреждаю, берите выпивку заранее и не шляйтесь по гостинице по ночам. А то ходят, стучатся и вопросы задают: «У вас есть?» «У нас—то есть, но нам самим мало».

Это была одна из Женькиных шуток. Вообще, он был одарёнейший парень. Закончил «культурный институт», прекрасно играл на фортепиано и очень здорово на кларнете. Мне всегда предлагал: «Борис, ты сегодня поёшь «Балладу о матери», а я играю в оркестре». Помню, когда Женя пел «Балладу о матери», аккомпанируя себе на фортепиано, мороз бежал по коже, так здорово доносил он ее до

слушателей. Конечно, совершенно непростительно, что в последние годы песни Мартынова не звучат и не переиздаются. На самом деле это не удивительно. К сожалению, поменялись времена, песни Жени Мартынова и его соавторов давно спеты. Видимо, его соавторам (поэтам) хочется получить деньги за переиздание, и творческие проблемы им безразличны. Всем артистам- певцам известно: чтобы взять в свой новый аудиоальбом, например, мартыновскую «Балладу о матери» или ещё какую-нибудь Женину песню, нужно получить разрешение от тех людей, которым принадлежат на сегодняшний день права на творчество композитора, а это немалые денежки, их надо заплатить. Да и молодёжь не сильно стремится петь хорошие мелодии и грамотные тексты, их вполне устраивает стебуха и графоманские самодеятельные тексты, которыми сегодня полна Российская эстрада.

По окончании работы в «Советской песне» я был принят в другой, очень популярный в Москонцерте биг-бэнд, под управлением Александра Ефремовича Горбатых.

Фольксваген чей, гуцулочка? Горбатых!

Оркестр под управлением Горбатых репетировал в одном из московских клубов возле Курского вокзала. Музыканты классные, репертуар джазовый, в общем, удовольствие для музыкантов. Но партнеры по группе саксофонов сразу взяли меня в оборот и, после первой репетиции, по дороге домой, сказали:

– Мальчик, не спеши, ты должен «прописаться», а то групповой игры не получится.

Мы зашли в садик неподалёку от вокзала и бухнули, как положено. Уже на следующей репетиции наша группа саксов зазвучала по-американски.

Начались ёлки в Лужниках, а потом и концерты в зелёном театре «Парка культуры и горького опыта», как обозвал его один из наших коллег-саксофонистов Паша Левицкий, но у него на то был очень печальный повод, связанный со смертью его сына. Пашин 19-летний сын Вадик погиб от рук бандитов, которыми кишел Парк культуры. Мне очень повезло, что 1991 году, уезжая в эмиграцию в Израиль, мы спасли от этой бандитской парковской шпаны моего старшего сына Андрея, увезя его с собой. Его словно мёдом тянуло в эту клоаку под названием «Парк Культуры имени Горького».

Концерты в парке культуры – особая история. Играем-то мы по нотам, а на улице летний июньский ветерок, и ноты с пультов сдувает. За роялем Людмила Лядова, играем её рапсодию. Ветерок дунул, и музыка кончилась – ноты улетели. Маэстро Людмила крикнула: «Да хрен с вами, сама долабаю!» Из этих летних концертов родились две новые семьи. Лядова взяла тенориста-саксофониста Сашу. Он, не растерявшись, взял её фамилию и, с лёгкой руки музыкантов, стал зваться Блядовым, разумеется, в шутку и, конечно, за глаза. А Людмила Гурченко пригрела пианиста Костю, но свою фамилию ему не дала.

Ну, ещё из весёлого! У Александра Ефремовича Горбатых была супруга Нонна и машина «Фольксваген», про них в Москонцерте звучала популярная песня «Фольксваген чей, гуцулочка? Горбатых». Я, конечно, по прошествии многих лет могу ошибаться в годах и датах, но не обессудьте, как помню, так и излагаю.

Не подумайте, что мои воспоминания не затронут моё семейное положение. Этого не случится и, по возможности, кое-что изложу. В 1974 году у нас с моей первой женой Тамарой рождается первый ребёнок – сын Андрей. Мне был двадцать один, ей – двадцать, классика. Как вы помните, в России не было принято приводить девушек к себе домой ночевать, да и заниматься сексом в подъезде было неприлично и опасно – соседи не одобряли. Девушки так же были, в основном, не искушённые в сексе, журнальчики с порнухой втайне рассматривали только под большим секретом, видеокассеты с откровенностями на каждом углу не распространялись, интернета в помине не было с сегодняшним развратом, от которого многих уже тошнит. Вот, наверно, поэтому у большинства из нас уже прекрасные взрослые дети.

Рождение моего сына совпало с началом моей, к сожалению, недолгой, но очень познавательной деятельности в качестве музыканта в Союзгосцирке. Первая жена отрицательно относилась к моему желанию ездить на гастроли, хотя меня и приглашали присоединиться к ансамблю «Весёлые ребята», где работал мой армейский приятель Александр Чиненков. Поэтому цирковая работа пришлась ей по вкусу, и я определился на работу музыкантом

в оркестр «Балета на льду» при Союзгосцирке. Это было не скучно. Красавицы-девчонки, высокие модели, одетые в длиннющие и тяжёлые костюмы, которые они физически сами расстегнуть и снять с себя не могли, и поэтому мы, работники музкоманды, с удовольствием им в этом помогали.

Помню забавный случай. Лужники, конец спектакля, идём в раздевалку по коридору и вдруг чей-то крик: «Наташка...твою мать, совсем охренела?!» В «Балете на льду» работала Наташа Егорова, жена сына Вячеслава Тихонова и Ноны Мордюковой – Володи. Увидев свою, уставшую от тяжести костюма, голую невестку, Мордюкова в прямом смысле обалдела.

Мои испытания были закончены, и меня позвали в цирк на Цветной бульвар.

Цирковые зарисовки

Цирк на Цветном бульваре с детства остался в моей памяти как чудесная сказка. Я обожал цирк. И вот, кое-что из увиденного и услышанного мною за время недолгой работы в цирковом оркестре.

Сидя на оркестровой подставке высоко над манежем, можно увидеть много интересного, смешного и порой драматичного. В начале представления оркестр играет торжественное произведение «Время, вперёд» композитора Свиридова. Работают воздушные акробаты – муж с женой. Он висит вниз головой, держась ногой за специальную подставку с мотором, прикрепленную к куполу, а жена зубами держит переходной ремень,

который с другой стороны держит муж, также зубами. Представили? И вдруг вся эта конструкция обрывается вместе с мотором и летит к манежу. Зрители кричат, женщины рыдают. Отважный цирковой артист Валерий Антонинов выпустил изо рта свою часть ремня, его партнёрша красиво приземлилась на манеж, а её супруг головой со всей силы влетел в манеж. Ну, сами понимаете, скорая, больница Склифосовского. Но, как говорится, советский цирк умеет делать чудеса. Через месяц номер вновь благополучно заработал на манеже.

Теперь веселенькое. Утренний спектакль. На манеже клоуны Шуйдин и Никулин. Дядя Миша Шуйдин был любитель поддать маленько, и в это утро пришёл на представление после того, как. Утром в этот день шла сказка «Бременские музыканты». По ходу представления, униформисты должны были поднять клоуна на небольшую высоту и опустить на манеж, но они сымпровизировали, и Шуйдин оказался под куполом цирка. Он офигел, кричит, ругается:

– Опустите меня, сволочи, я сейчас умру, мне с сердцем плохо!

А этим охламонам хоть бы что, да и зрители ничего не понимают, хлопают, ржут и веселятся. Спас положение инспектор манежа Завен Григорьевич Мартиросян, случайно зашедший в цирк. Он шел с центрального рынка и проходил мимо. А то нашему дорогому дяде Мише Шуйдину пришла бы хана.

Идёт аттракцион Кио. Надеюсь, многие из вас помнят этот феерический номер и догадываются, что всё в нём было построено на двойниках и потайных тоннелях под манежем цирка. Представьте, на манеже две телефонные будки, Юрий Никулин заходит в одну из них. Будку чем-то накрывают, артист исчезает и появляется в другой будке. Клоун выходит из будки и обращается к публике:

– Извините граждане, не найдётся у кого-нибудь две копейки, позвонить?

И в этот момент раздаётся голос Василия из радиобудки цирка:

– Ни в коем случае не давайте ему, он всему цирку должен!

Хохот! Занавес! Ну, конечно, это далеко не всё, что происходило в цирке, но задерживаться не будем и едем дальше.

МОМА, или контора деда Никанора

Для непосвященных поясню: МОМА – это Московское Объединение Музыкальных Ансамблей при управлении культуры города Москвы. Эта организация, как её еще называли, «контора деда Никанора», подгребла под себя практически все музыкальные коллективы, работающие по ресторанам, кафе, гостиницам и прочим увеселительным заведениям. Это и был очаг неприхотливого Советского шоу-бизнеса. Создателем этой уникальной конторы был простой молдавский баянист Иван Гераус. С ним в тесной связке работали «дирижеры-музыканты». Главными сподвижниками были организаторы, один из них по кличке Акула и второй по кличке Ёнаума. Остальные сборщики налогов и, по совместительству «дирижёры», работали под ними. Система проста, как день: отбирать и делить. Руководители ансамблей должны были чётко знать, кому, сколько отстегнуть, никакие

забывчивости или отсрочки не принимались. Опоздал – вылетаешь с хорошей точки.

Поясню, что у нас, музыкантов, называлось хорошей точкой. Это тот ресторан, где зарабатывались хорошие чаевые или, как выражаются музыканты, парнос. К таким точкам относились рестораны «Прага», «Берлин», «ЦМТ», «Хрустальный», «Арбат» и многие другие. Если попал в немилость, то отправляешься в ссылку в конец Москвы, где гуляет шпана и блатата, и тут уж не до денег, а как бы живым остаться и домой вернуться.

Еще одно предназначение МОМА – это была кормушка для всякого рода хороших и убогих композиторов, которые тащили свои виртуозные произведения в библиотеку конторы для исполнения музыкальными ансамблями. Надо сказать, что практически никто этим не пользовался, но рапортички заполнять обязаны были все. Если приходила проверка из управления культуры и хотели кого-то турнуть с точки или вообще разогнать, тут же проверялась рапортичка и, если и она в порядке – начиналась ловля блох.

Проверяющий из управления, в сущности, был не таким уж плохим человеком, бывшим оркестровым музыкантом, но выполняя свои «фашистские» обязанности, надевал на себя такую злющую маску, что все мы его боялись, как огня. Весь тот блатной репертуар, который в настоящее время прёт из всех дыр, из всех теле- и радиоканалов, в те времена, о которых я вам повествую, считался запрещенным и «карался по всей строгости закона!»

Ясно и понятно, что мои рассказы о "МОМА" без каких-либо интересных деталей, описывающих это предприятие, будет неполным, поэтому я решил дополнить картину маслом.

Первое шоу-варьете в Москве. Незабываемый и неповторимый Лёня Геллер, который был первооткрывателем этого запретного и вожделенного действия, ну, как у Зощенко. Клиенты собирались ближе к ночи на Московском телеграфе и под руководством знающих людей сопровождались в выбранный на этот вечер ресторан "Сатурн" в полной конфиденциальности. Про само шоу не пишу, так как самому так никогда и не удалось его посмотреть, я всегда работал в это время в кабаке, но детали знали все. Это был отдельный кайф. Лёня был модным, стильно одетым человеком с хорошими манерами, приветливым и не заносчивым, говорил с сипотцой, жонглировал кларнетом и в перерыве между шоу обращался к своему гитаристу, которого звали Слон.

– Слон, раствор!

Сие означало, что маэстро хочет водочку с «Чинзано». Певицу звали Котик, а самого Лёню Жабочка. Вот вам картина. Вся богатая торгашня, да и не только, постоянно ходила за Лёней по пятам и обожала это шоу-варьете.

Кафе «Хрустальное»

Какое прозрачное и лёгкое имя у этого заведения на Кутузовском проспекте Москвы и какой это был вертеп на самом деле! Порой это кафе становилось полем битвы, как Бородинское. Представьте, шестьсот человек собирались по выходным дням в этом милом кафе и начиналась драка, которая переворачивала вверх дном весь огромный зал и, мы, музыканты, под шумок этой бойни старались отползти в нашу комнату наверху и заховаться.

Делёжку сфер влияния в Москве в 90-е годы мы испытали на своей шкуре. Поём в гостинице «Останкино» для ветеранов. Шесть часов вечера, зал полон Советскими ветеранами войны и несколькими приглашёнными гостями из Германии. Моя Ляля поёт какую-то песню и, вдруг я замечаю, как по залу ресторана проносится взволнованный администратор и нервно машет всеми частями тела. Я интуитивно хватаю мою любимую супругу Лялю, заставляю её упасть на пол и замереть. По залу проносится смерч. Сколько-то вооружённых бойцов с арматурой, завёрнутой в газеты, залетев в зал этого красивейшего ресторана Москвы, громят витражи, посуду, столы и всё, что попадаетея им под руку. Один гость из Германии, в охрениии замахал руками и хотел что-то возразить молодчикам, но, увы, тут же получил арматурой по голове. Слава Богу, остался жив, благо, его успели переправить вовремя в Берлин.

Наша милиция, которая нас стережёт, приехала ровно через сорок пять минут по окончании

действия. Дрожа всем телом, мы поднялись с пола, где провели эти несколько незабываемых минут погрома, и быстро побежали в буфет выпить водочки, чтобы прийти в чувство.

Теперь о нас – музыкантах

Как я уже сказал выше, работать в МОМА и жить дома было предпочтительней, чем ездить за гастритом по необъятной родине, и поэтому огромная армия Советских музыкантов и вокалистов прошла школу МОМА. Кого сразу вспоминаю – назову: Крутой, Серов, Аллегрова, Носков, Гулько, Укупник, Ведищева, Улетова, Могилевский, Вайкуле и многие другие. Все знаменитые джазмены играли в различных кафешках Калининского проспекта.

Я поступил на работу в МОМА в 1976 году, сразу после цирка и, моя трудовая деятельность, вплоть до отъезда в 1991 году на ПМЖ в Израиль, прошла в МОМА. Сначала я был рядовым музыкантом и работал в разных коллективах, а в году 1982 дослужился до руководителя ансамбля. Работу в ресторане я периодически совмещал с записями и халтурами в оркестрах Радио и Телевидения и, как было сказано выше, сотрудничал с Максимом Дунаевским и Дмитрием Атовмяном, принимал участие в записях музыки для «Трех мушкетёров» и других проектов композитора Дунаевского. Огромное впечатление осталось у меня от сессионной работы музыкантом в оркестре «Мелодия» под управлением Георгия Гараняна.

Здесь же, в МОМА я повстречал человека, который стал для меня женой, любовницей, другом и соратником во всей моей дальнейшей жизни. Это моя несравненная Ляля Рублёва, а пока расскажу предысторию знакомства.

Надо сказать, что музыканты работать с певицами не хотели. Это всегда проблемы – то заболела, то опоздала, то репертуара нужного не поёт и, бывало, мы работали без певиц. «Женские» песни приходилось петь мне. Помню, в Ресторане «Берлин» директор Борис Силыч Лёгеньких, большой тучный мужчина, приходил в зал, садился лицом к зеркалу и спиной к оркестру, ему наливали в кофейник вместо кофе коньячок, и он, слегка картавя, мне говорил: – Борис, давай мою!

Я знал, что это опять «Один раз в год сады цветут». В конце концов, мне это надоело и, я сказал:

– Борис Силыч, я слова потерял.

– Плохо, Борис, нужно брать певицу.

И началась эпопея с певицами. К слову, о ресторане «Берлин». Это уникальное место в Москве. Шикарный зал с фонтаном в центре, потолок и стены, ну просто – дворец, глаз не оторвать. Когда мы пришли туда работать, шла реставрация фонтана. Женщина в течение всего дня ползала на коленях и выкладывала мозаику – это тяжёлая ручная работа. Потом она клала на покрытие пергаментную бумагу и уходила домой. Начиналась вечерняя гульба – танцы-шманцы и обязательно какая-нибудь барышня в туфлях на шпильках прыгала в фонтан и начинала отплясывать.

Вскоре фонтан дореставрировали, налили воду, и народ, прилично нагрузившись спиртным и яствами ресторана, пачками стал падать в фонтан. Это было что-то! Ресторан пользовался огромной популярностью у состоятельных горожан, ну и, конечно, у богемы. Евгений Весник был постоянным посетителем. Он чудесно пародировал всех смешных клиентов, особенно ему удавался Сергей Сергеевич – метрдотель ресторана, о котором можно было сказать: «это человек старой ресторанной школы». Худощавый, гладко прилизанные, набриолиненные волосы и постоянно подшофе. Проходя мимо сцены, он всегда почему-то говорил: «Джонсоны, заканчивайте своё существование». Я ему отвечал: «Сергей Сергеевич,

мы только начали!» Он махал рукой и шествовал дальше, за ним по пятам шёл Евгений Весник!

Женщины, которые поют

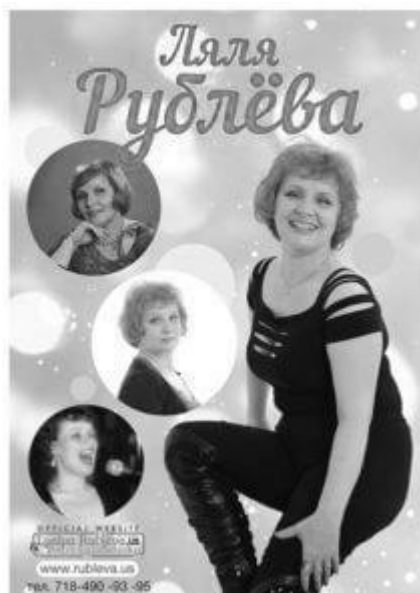
Что ж, вернёмся к представительницам прекрасного пола, женщинам, которые поют. Вокалистки, как их величали в нашей концертной организации, отнюдь не являлись представительницами слабого пола, а были, в основном, тертыми калачами, прошедшими «Крым и Рим». А как иначе? Работа в ресторанах их закалила. Общение с подвыпившей публикой требовало от этих милых дам быть всегда начеку, если надо – постоять за себя, послать пьяного нахала на три буквы, а то и просто снять туфлю и врезать по голове.

В моём коллективе, с легкой руки директора ресторана, переработало много певиц. Кто-то уходил

в декрет, кто-то уезжал на гастроли, у кого-то семейные обстоятельства требовали прекратить гастрольную деятельность и осесть в Москве. В основном, это были отличные профессиональные исполнительницы, правда, с тяжёлыми характерами. Артисты – это отдельная каста людей. Недаром про нас говорят: «От саксофона до ножа – один шаг». Оставшись в очередной раз без вокалистки, я стал думать, как найти хорошую и спокойную девочку, чтоб она, по возможности, не портила нервы мне и моим музыкантам.

И вот, оно свершилось! Мой бывший клавишник Андрей Оснас, который по иронии судьбы оказался впоследствии и последним директором МОМА, порекомендовал мне прослушать молодую певицу, работавшую в то время в Росконцерте Елену Полунину, сказав, что она непременно впишется в наш коллектив, и мы будем очень довольны. Я понимал, что работавшая на эстраде певица вряд ли владеет ресторанным репертуаром, но в глубине души надеялся, что она сможет это быстро наверстать. И я не ошибся.

Настал день нашего знакомства, и появилась она – светленькая, невысокая, симпатичная девочка в голубом пальто. Мои музыканты несказанно обрадовались: «Борь! Ну, наконец-то, скромненькая, незажравшаяся девонька, и парнос на неё особо делить не надо. Что она в своих росконцертах зарабатывала? А мы дадим ей червонец, и будет довольна».

Так рассуждали мои лабухи-музыканты – чисто музыкантские штучки. А я, между тем, понял, что влюбился в Ляльку и слушать все эти разговоры уже не хотел. Через какое-то время мы уже стояли на сцене, держась за руки. Между нами пробежала та искра, которая называется любовью. Мои музыканты сразу это просекли, слегка заволновались, но, в итоге, приняли. Леночка получила статус полноценного члена коллектива и через довольно короткое время стала обладать в полном размере нужным репертуаром того времени.

Шёл 1990 год, времена были мутные и непонятные, музыкальная работа становилась всё сложнее и безрадостней, рестораны, да и все

концертные площадки стали посещать спортивные ребята в чёрных кожаных куртках, интеллигентностью они не отличались. Утром они грабили людей, а вечером беспардонно гуляли на ворованное. Мы, музыканты, ощущали это на своей шкуре.

На эстраде также стало невозможно работать. Хулиганье залезало на сцену, они грубили, а порой избивали ни в чём не повинных артистов. Кроме того, в эти же годы наши японские друзья сделали много «подарков» для нашего брата, изобретя синтезаторы, которые заменяли работу музыкантов, и многие из них остались без работы.

Мы с Лялечкой, как я стал ласково называть свою певицу, пытались преодолеть все эти трудности. Записывали с друзьями-музыкантами новые песни и мечтали вырваться на большую сцену. Стимулировала этот процесс Ляля, так как она, проработав десять лет на эстраде, стремилась вновь возвратиться на сцену. Мне это тоже импонировало, и я всячески старался ее поддерживать. Этому суждено было сбыться, правда, частично, и не в этот период, но об этом позже.

Всю свою сознательную жизнь я мечтал об Америке. Обожая музыку, музыкантов, представляя совершенно другой мир, очень хотел очутиться там. Этой своей идеей я заразил Лялю, хотя она никогда не думала и не мечтала об эмиграции. Мы с ней стали очень близки и, я ушёл из своей первой семьи. Мы сняли квартиру и стали жить вместе. По-прежнему, мы работали в ресторанах и выступали в различных концертных программах, так как в России стала

расцветать частная кооперативная деятельность – времена мутной воды. В декабре 1989 года мы с Лялей официально стали мужем и женой и, на всякий случай, подали документы в Израильское консульство, так как отъезд в Америку осуществлялся этим путём. Мы стали ждать вызова.

Эвакуация в Израиль

На дворе стоял 1991 год. Искерпав все возможные варианты каким-либо образом уехать из России в Америку, я понял, что ворота захлопнулись, в Штаты никого не пускают, хотя мои родственники из Минска прорвались и выехали, наверное, на последнем паровозе. Ну, слава Богу, им повезло. Меня не оставляла идея и мечта свалить из «рашки», и я стал внушать своей любимой жене, что и в Израиле нам будет хорошо, во всяком случае, лучше, чем там, где мы сейчас живём. Лялька поначалу сильно сопротивлялась, наотрез отказавшись ехать в Израиль. Её можно было понять – человек из русской христианской семьи, где слово «Израиль» было чем-то непонятным.

– Какая эмиграция, зачем? – говорила она, – Я певица, я работала во всех концертных организациях, ездила на гастроли, я хочу петь на русском языке. Что я буду делать в Израиле?

Будучи большим фантазёром, я строил волшебные замки и говорил:

— Лялюш, ты там будешь нарасхват, ты классная, таких, как ты, там нет.

Убедил всё-таки и уговорил. Мы стали посещать сохнутовские собрания, где нам рисовали распрекрасные картины ожидающей нас новой жизни. Так же предлагали выступать на концертах, и на одном из них мы познакомились с израильянином, которого звали Моти. Ему очень понравилось наше выступление, а особенно Лялино пение и, подойдя после концерта, он завел с нами разговор на английском. Я вступил с ним в беседу и, как мог, объяснил, что мы, как раз, собираемся на постоянное место жительства в Израиль и ждём оформления документов. Моти очень обрадовался, это была для него мицва, он дал нам свой телефон и сказал, чтобы, как только мы приедем, сразу позвонили ему. Это был данный нам Богом шанс, которым мы воспользовались сразу, приехав в Израиль и оказавшись в затруднительном положении.

Тем временем, наступило время отъезда из любимой Москвы. Нам посоветовали ехать поездом через Гродно, так как люди рассказывали, что там не шмонают, пограничники заходят на ходу поезда и по-быстрому делают проверку. Это нам было важно, так как мы везли контрабанду, то есть мой саксофон «Selmer», в своё время купленный мной у Алексея Козлова. Инструмент был шикарный, вывезти его из Москвы со справкой из музея было невозможно. На американские инструменты справок не давали, и мы положили его в обычную спортивную сумку,

завернув в тряпки, а сверху накидали всякую домашнюю всячину.

День отъезда из столицы нашей бывшей родины был значимым. Поезд на Белорусский вокзал подали с двадцатиминутным опозданием. Народ заполонил всю платформу, море отъезжающих, столько же провожающих, слышен плач, хохот, любимый матерок. Вот, поезд подплыл к платформе и началось.

Это было похоже на настоящую эвакуацию, люди рвались в вагоны, совали вещи в окна, по вокзалу летело рупорное объявление, что поезд отправляется через пять минут, провожающие – кыш из вагонов. То, что поезд опоздал, никого не волнует. Едете в свой Израиль – ну и валите нах. Дальше, как в кино, поезд тронулся, мы разместились в купе – благо, нас было четверо: Алиска семи лет, Андрей – пятнадцати и мы с Лялюшкой. Открыли коньячок, выпили по маленькой и, все хором от перенесённого стресса быстренько уснули.

Погранцы

Проснулись от того, что по поезду прошёл клич: в соседнем вагоне погранцы и сейчас переместятся в наш вагон на досмотр. Занервничали, и не без основания, так как через пять минут в нашу дверь постучали и в купе появилась белокурая девушка с лицом собаки «немецкая овчарка». Она быстро, обученно шнырнула холодными злыми глазёнками по нашим вещам и приказала открыть злополучную хозяйственную сумку, в которой

находился мой саксофон. Я, было, попытался ей что-то сказать, но блондинка-пограничница скомандовала мне и Андрюшке быстро выйти в коридор, сказав, что она будет отдельно досматривать дочку и жену. Эта стерва обшарила всё тело моей жены и, как Ляля потом сказала, заставила снять носки и искала между пальцами ног. Поснимала заодно все золотые недорогие украшения с рук и хотела добраться до спящей Алески, но Ляля взмолилась, и овчарка отступила. Мне было приказано сойти с ними с поезда в Гродно и оформить саксофон как контрабанду. Мы уговаривали её не делать этого. Тогда она пригрозила, что снимет с поезда всю семью, и мы посмотрим, как запоём, когда окажемся между небом и землёй.

Ляля с детьми поехала дальше в Варшаву, а я остался в Гродно, и потом, без копейки денег, догонял их после оформления грабительского отъёма музыкального инструмента.

Ну, ладно, и это мы с честью пережили. Своих я догнал в Польше, и нас напрямую отправили в Израиль.

18 апреля 1991 года мы приземлились в Тель-Авивском аэропорту, просидели там часов шесть голодные и злые, не спавшие несколько дней, с детьми, изнемогавшими от усталости. Вышли в сорокаградусную жару (хамсин) из аэропорта и сразу предупредили сохнутовских, чтобы нас везли в гостиницу в Тель-Авиве. Мы – артисты, и нам надо остаться в центре страны, чтобы не потеряться и работать по профессии.

В кармане у нас было \$400, которые у нас закончились на следующий день. Гостиница, куда нас

доставили, оказалась гостеприимной – с двумя детьми селить в комнату нас не хотели, но денежки с удовольствием заграбастали. Кое-как нам удалось провести эту первую ночь на моей исторической родине. Дальше было еще веселее. Детишки голодные. Мы прилетели в день «Независимости Израиля», все конторы закрыты, говорить не с кем. В общем, полный компот. Деваться некуда и, хотя было неудобно беспокоить нашего нового приятеля Мотю, с которым мы случайно познакомились, но, испробовав все возможные варианты и, естественно, предварительно позвонив по всем телефонам знакомых, которые нам давали в Москве и получив от всех отказ, я решился на крайнюю меру и набрал Мотин номер.

Мотик и Розочка

Всё оказалось, как в доброй сказке. Мотя, услышав мой голос и поняв, что мой английский «вери бед», только и спросил меня, где мы находимся и сказал: «Ждите!» Через 20 минут Мотик и его очаровательная беременная супруга Розочка ворвались в наш гостиничный номер. Мы были совершенно глухонемые, жестикулировали глазами, а мой безобразный английский, который я изучал до седьмого класса в английской школе №20 города Москвы, был слабой поддержкой. Было понятно, что в школе нас учили никогда не разговаривать с иностранцами. И это факт. Самым любимым выражением школьников тех лет было «фейсом об тейбл». И «You are looking for trouble, щас ёб.....».

Наши гостеприимные ребята-израильтяне загрузили наши чемоданы в свою маленькую машинку Peugeot (Пежо). Розочка отправилась с нашими вещами к своей бабушке, жившей в Тель-Авиве, а наш спаситель Мотя повёл нас в ресторан, накормил. Детишки наши заулыбались, наевшись до отвала, Мотик отвёл нас на пляж, и мы с разбега бухнулись в Средиземное море. Наступило временное облегчение.

В тот же день, к вечеру, мы очутились в уютной квартирке наших спасителей в Петах Тикве. Мы с Лялей были очень благодарны ребятам, но понимали, что стесняем их, и на следующий день побежали в Министерство Абсорбции, с боем прорвались сквозь огромную толпу приехавших репатриантов, получили свои подъёмные копеечки. Походу, все новоприбывшие между собой переругались, так как кому-то дали половину денег в подарок, а кто-то должен был возвращать их как ссуду. Мы, конечно, попали в число счастливиц и на десять тысяч шакалов получили ссуду с привязкой к индексу цен к курсу доллара.

ОК. Квартиру, в итоге, мы сняли, опять-таки, не без помощи Моти и Розы, так как нам подсунули договор на иврите и, если бы мы его подписали, то поймали бы большой геморрой, но, слава Богу, и это обошлось. Поселились мы в Ганей Тикве (Сады Надежды), районе, в котором проживают верующие религиозные евреи. По обе стороны двора нашего дома были две синагоги, и мы с утра и до вечера наслаждались ором детей. То есть, район очень безопасный, на шабат там даже ворота закрывались,

чтобы никто не ездил на машине и, все-таки, нам и там повезло, но об этом позже.

Балалаечка за доллар

Немного оклемавшись на новом месте и вдоволь наевшись апельсинов из пардеса (апельсиновая роща), находившегося прямо около нашего подъезда, мы начали посещать ульпан (школа изучения иврита) и знакомиться с народом, приехавшим вместе с нами «оттуда». Нас было очень много, говорили, что приехало людей под миллион. Это огромная алия, понятно, что работы никакой. Как говорили в то время «ни тебе лестницу помыть, ни жопу». Всё разобрано. Люди нервничали, обращались

к известному успокоительному лекарству – водочке, благо что она, «Балалаечка», стоила всего один доллар и, в общем, была доступна, в отличие от других продуктов питания. Для нас всё было очень дорого, а нужно было платить за квартиру, по которой летали тараканы с крыльями, и нужно было кормить детей, которые сидели с открытыми клювиками и ждали, когда папа с мамой им что-то принесут. Веселуха.

Ляля посматривала на меня недобрым взглядом, и от всего этого я впал в депрессию, мне стало стыдно. Тут по нашему улыпану прошёл слух, что можно устроиться окапывать деревья. В первых рядах я отправился на работу, где мне сразу выдали лопату и показали, какое количество деревьев нужно обработать. Я принялся за дело, зная, что нужно было заработать денег на продукты, но мои музыкальные руки, привыкшие перебирать клапаны кларнета и саксофона, меня подвели. Много в тот день я не заработал и, разозлившись на самого себя, со слезами на глазах вернулся домой.

Кроме всего прочего, я остался без своего кормильца-саксофона, да и взять его напрокат у меня пока не было возможности, но не обошлось без добрых людей. Наш сосед по дому, бывший на Украине музыкантом и преподавателем музыки, сказал, что в местной музыкальной школе есть какой-то старенький ученический саксофон, и он постарается выхлопотать его на время. Так и получилось. Володя, как звали соседа, принёс мне жуткого вида инструмент, и я, с горем пополам, заиграл на нём, и это уже было большим облегчением.

Мы с Лялей, конечно, крутились, как могли, читали газеты, интересовались, каким образом можно найти музыкальную работу. Это было нелегко. Ляля как старательный, серьёзный человек и музыкант целыми днями корпела над изучением иврита и израильских песен. Надо сказать, что поначалу музыка, которую мы слышали в новой стране, нас разочаровала. Это была совершенно другая мелодика, к которой мы не привыкли, восточный колорит присутствовал в ней повсеместно. Потом, по прошествии некоторого времени, наши взгляды изменились, мы полюбили страну, музыку, вдобавок, у Ляли появилась целая концертная программа песен на иврите, которую она сама и вела.

Петь будет моя Ленка

Ляля Рублёва в детстве, скажу Вам по секрету, была просто Леной. Однажды, услышав по радио о том, что проводится набор в детский хор Всесоюзного радио и телевидения, она решила срочно отправиться на прослушивание. Сказано – сделано. И вот, Лена пришла на Смоленскую площадь, в здание одной из Московских школ, где тогда находилась база хора. Её приняли, и началась настоящая, захватывающая, творческая жизнь: концерты, репетиции, записи на Качалова в ДЗЗ (дом звукозаписи) и, конечно, съёмки в Останкино. Иногда приходилось просто ночевать в креслах зрительного зала концертной студии – съёмки заканчивались очень поздно, а наутро надо было доснимать материал. Ребят оставляли ночевать в студии – это

была романтика. Концерты в те времена были грандиозные: тут Вам и молодой Магомаев, и юная, обаятельная София Ротару, и Валентина Толкунова, и, конечно Иосиф Кобзон, и многие другие артисты. Но самое главное – в то время не было фонограмм и всем аккомпанировал оркестр под управлением Юрия Васильевича Силантьева. Детский хор стоял на сцене на подставках, солисты-запевалы выходили вперёд и становились около дирижёра. Хором руководил Виктор Попов. Это был замечательный хормейстер, но человек довольно-таки нервный. Репетировали какую-нибудь песню. Попов вызывал солистку-девочку запевать «Крылатые качели». Она начинала петь, после первого куплета он махал руками и кричал:

– Нет, нет эта не подходит, следующая.

Бедолага, отправленная таким образом обратно в хор, начинала плакать. Выходила следующая. Тот же номер, пока дело не доходило до Лены. Выйдя на сцену и встав около дирижёрского пульта Силантьева, она замирала от внезапно подступившего чувства «неужели и меня погонят обратно становиться в хор?», но Юрий Васильевич клал свою руку на голову маленькой певицы и говорил:

– Так, всё. Петь будет моя Ленка.

Юрий Васильевич был совершенно гениальный дирижер и добрейшей души человек. С его лёгкой руки моя жена Лялечка Рублёва, а в юности, как я уже

поведал вам, просто Лена, будучи солисткой хора, как его называли БДХ радио и телевидения, записала в Доме звукозаписи, который в простонародье у музыкантов назывался (Дом заразных заболеваний) или ДЗЗ, на улице Качалова, так Ленка записала в золотой фонд все самые любимые народом песни, а именно: «Крылатые качели», «Лесной олень» и многие другие.

Первые шаги на Исторической Родине

Впоследствии Ляля вместе с группой популярных артистов Израильской эстрады объездила весь мир в рамках программы «Керен Хаясот» для сбора пожертвований от мирового еврейства государству Израиль. Но это было позже, а пока тот же сосед по нашему дому познакомил нас со своим приятелем-музыкантом с консерваторским образованием, милейшим человеком, которого тоже звали Володей и который прожил уже несколько лет в стране, работая... водопроводчиком.

Мы стали для него глотком воздуха: он истосковался по музицированию, а единомышленников себе не нашёл. Нам очень был нужен музыкант-клавишник: мы были полны музыкальных идей и, нам требовалось их воплощение. Так у нас появился первый ансамбль. После Володиной дневной работы мы шли к нему, играли и пели, а Володина жена, наслушавшись досыта нашей музыки, приглашала за стол вечерять, так как голова у неё от нас гудела.

В этот период, всё-таки, нам удалось кое-что сделать для начала нашей музыкальной деятельности в стране. Нами была написана песня специально для алии из Бывшего Советского Союза (людей, прибывших к себе на родину), и через знакомых нам посоветовали поехать в Иерусалим на радио «Коль Исраэль» на программу Ципоры Таль. Так мы и сделали. В один из дней, все втроём, на машине, взятой у знакомых, мы приехали на радиостанцию. Ципора оказалась милейшим человеком, ей очень понравилась наша песня, она сделала с нами замечательную программу, и песня зазвучала на волнах радио. Лялю объявляли как «Илана», так как имя Ляля для израильтян не звучало. Кроме того, Ципора познакомила нас с прекрасным музыкантом с русскими корнями Хананом Йовелем (Булаевским). И это знакомство стало новой вехой нашей жизни в Израиле.

Наш Израиль

Край загадочный такой
Манит вечной красотой,
Эти звёзды и цветы
Всё теперь мне даришь ты,
Обойди хоть все края,
Только здесь земля твоя,
И надежды, и мечты
Всё теперь нам даришь ты.

Это слова к нашей песне «Адома» (Родная земля), написанные моей супругой Лялей. Впоследствии

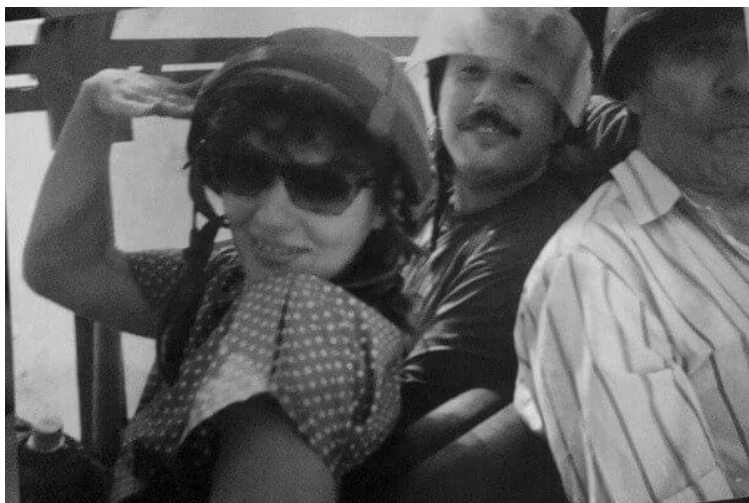
великолепный музыкант, легенда Израиля, Гери Экштейн написал вариант текста на иврите и, песня зазвучала на израильском радио.

Thursday, October 3 - 7:30 PM

FREE OF CHARGE - EVERYONE IS WELCOME

Нашему новому другу Ханану Йовелю, талантливому автору-исполнителю, большому энтузиасту и общественному деятелю, перевели Лялин вариант песни на иврит, он очень обрадовался, что, наконец-то, из России приехали настоящие артисты, а не какие-то шлимазлы, и в тот же день примчался к нам знакомиться. Его совершенно не смутило наше более, чем скромное алимовское жилище, а когда Ляля спела под аккомпанемент его гитары песню «Аллилуйя», победившую на Евровидении, Ханан пришёл в неописуемый восторг.

У нас завязалась добрая дружба, мы старались из всех сил понимать, что он нам говорит на иврите, иногда переходя на английский, для нас это было очень непросто, но мы старались из всех сил. Моя дорогая супруга Ляля серьёзно взялась за изучение иврита, так как без знания языка невозможно влиться

в культуру новой страны. У Ханана тоже был свой интерес — получая иногда письма от дальних родственников из России (а вы помните, что его мама была оттуда), он впоследствии стал приносить их на репетицию. Мы ему переводили их с русского на иврит, для нас это была хорошая практика.

Наш новый друг с большим пониманием отнёсся к нашим трудностям и стал таскать нас за собой на различные мероприятия и концерты с его участием, дабы окунуть нас в израильскую культуру. Не могу сказать, что нам сразу понравилась местная восточная музыка. Для нашего восприятия этот колорит был трудноват, но нам пришлось по вкусу европейско-израильская мелодика и огромное количество русских песен, переведённых на иврит, которые мы стали включать в свои концертные программы. Постепенно всё легло на ухо, и мы адаптировались. Забегая вперед, скажу, что через несколько лет я поступил на работу в марокканский бэнд, проработал в нём четыре года и полностью насладился арабско-марокканским музыкальным колоритом. Но сейчас не об этом....

Именно в это время в 1992 году в Израиле началась предвыборная кампания Ицхака Рабина. Русскоязычный миллионный электорат, прибывший из бывшего Союза, был очень кстати. С лёгкой руки Ханана, нас с Лялей зачислили в бригаду русскоязычных артистов для участия в предвыборных мероприятиях. Вместе с нами были приехавшие в это же время известные артисты Михаил Козаков, Валентин Никулин и Максим Леонидов. Мы колесили по всей стране, концерты были почти каждый день,

перед концертами выступали Шимон Перес и другие политические деятели страны. Ляля исполняла нашу песню «Адома» и получала море аплодисментов от воодушевленной публики. У нас было ощущение, что всё сбылось, и в новой стране мы продолжаем свою артистическую карьеру. Но не надо забывать, что Израиль – маленькая страна, артистический рынок здесь небольшой, а своих местных артистов предостаточно.

Закончилась выборная компания, а с ней – и концерты. Нужно было двигаться дальше. Правда, благодаря этой концертной деятельности, мы обросли нужными связями и периодически получали приглашения выступать в разных местах. Это были концерты в кибуцах, клубах, нас приглашали в солидные организации, такие, как «Партия труда» (Гистодрут). Бывало, вечеринки устраивали на благоустроенных крышах Тель-авивских домов. Всякое бывало.

Например, наша концертная деятельность по армейским подразделениям ЦАХАЛА – отдельная тема. Представьте, сектор Газа в то время ещё не был отдан на попечение палестинской администрации и находился под замком с контрольно-пропускным пунктом, и мы с бригадой артистов отправляемся нести культуру и доставлять удовольствие нашим солдатам, несшим службу внутри Газы. Перед въездом в Газу пересаживаемся в военный грузовик, на нас надевают каски и бронежилеты, наши brave сопровождающие садятся у борта машины, и мы въезжаем на территорию, на которой царит грязь и бардак. Грязные и чумазы арабские дети

с удовольствием закидывают нас камнями, солдаты только успевают от них отмахиваться, не стрелять же в них, этих детей такими уж вырастили – зверушками и будущими террористами.

Приезжаем в так называемый концертный зал – полуразрушенное помещение. Идет наш концерт. Во время действия арабский рабочий кладёт кирпичи на недоделанную стену. Но солдатам нашим всё нипочём, они с удовольствием слушают наше выступление. Юра Любан (профессиональный московский конферансье, работавший с Аллой Пугачёвой, а ныне такой же «оле хадаш», как и все) объявляет следующий номер. В это время раздаётся сирена, все ребята вскакивают с мест, хватают свои автоматы и бегут выполнять боевое задание. Концерт окончен. В целях предосторожности нас вывозят из Газы другой дорогой. Наши солдатики говорят, что так надо, потому что на той дороге, по которой мы въезжали, уже засада. Но мы знали, что дома нас ждали наши детишки с открытыми ртами, поэтому не отказывались ни от каких приглашений.

Концертная программа с Хананом

В один из дней приехал Ханан и завёл разговор о том, что у него возникла идея сделать с нами новый концертный проект из его авторских песен, которые пользовались большой популярностью у израильтян. Мы были ошарашены этим предложением и, конечно, с огромным удовольствием принялись за изучение репертуара. Репетиции начинались утром, Ханан пунктуально приезжал к нам со своей гитарой, мы

вникали в его музыку, учили её, и постепенно она нам стала нравиться.

Прошло несколько месяцев постоянных репетиций и наступил день первого совместного концерта в красивом тель-авивском зале. На концерт пришли друзья Ханана, артисты, музыканты и, конечно, журналисты. Программа всем понравилась, Ляля спела сольную композицию – слова из торы «Ми хаиш хэхафэц хайим», зал аплодировал, и после концерта к нам стали подходить зрители, чтобы пообщаться, а мы, к большому сожалению, еще были слабоваты в иврите. Об этом мой следующий рассказ.

Амфитеатрон в Кейсарии – это потрясающе красивое место, зрительный зал на три тысячи человек. Мы с Лялей и группой израильских артистов эстрады стоим на сцене, концерт ведёт Эхуд Манор, известный телерадиоведущий и прекрасный поэт (к сожалению, рано ушедший). Дело доходит до Лялиной сольной песни, Эхуд начинает рассказ о талантливой певице, не так давно приехавшей в Израиль и уже великолепно поющей на иврите.

Так как сцена Амфитеатрона огромная, мы с Лялей, Хананом и ещё двумя музыкантами, находящимися на противоположной стороне, не успеваем отреагировать на его слова, а Эхуд обратившись к Ляле, задаёт ей какой-то вопрос. Ляля в ужасе оборачивается ко мне:

– Что он сказал?

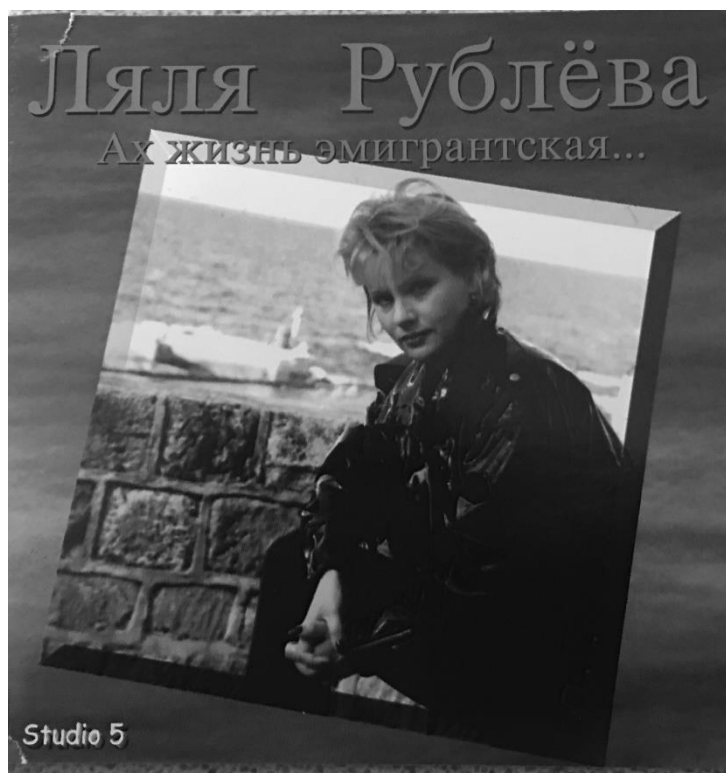
Я и сам не успел понять и расслышать.

Ситуация аховая, в зале хохот, до зрителей дошло, что мы еще толком не знаем языка. Но Эхуд, поняв, что слегка «приложил» артистку, тут же нашелся, всё обыграл, красиво пригласил Лялю к микрофону, зазвучал коронный «Ми хаиш хэхафэц хайим», зал восторженно зааплодировал, и всё закончилось хорошо.

Пока еще разговорный иврит оставался нашим слабым местом. Через какое-то время после этого концерта, мы приняли участие в самой популярной программе телевидения с ведущей Ривкой Михаэли «Sof Shavua» («Weekend») – «Соф Шавуа» (конец недели), а на следующий день, зайдя в магазин, мы поняли, что стали суперзвездами, все нас узнавали и протягивали руки для знакомства. К сожалению, это продолжалось недолго. У нас не было средств, чтобы

проводить «рекламную компанию» и оставаться на плаву, да в Израиле это бы и не сработало, это не Раша.

«Ах жизнь эмигрантская» – первая редакция альбома
(Израиль 1997 год)

«Ах жизнь эмигрантская» (Remix)

В Израиле. Годы молодые

Выступление с Хананом Иовелем на фестивале
в городе Арад

Годы молодые

Сектор Газа

Ляля и детское шоу

Дело было в Израиле

На TV в Израиле с Хананом Йовелем

Первые шаги в Израиле

Джаз-оркестр в Израиле. Солистка Ляля Рублёва

Квартет «Made in Israel»

Лялечка на фестивале эстрадной песни в городе
Араде (Израиль)

Это наш великолепный джаз-бэнд в Израиле

С друзьями детства – мой первый ансамбль

Служба в армии, на военно-дирижёрском факультете. 1971 год

Концерт в Секторе Газа

В Останкино

Гастроли по России

Моя Леночка – студентка музучилища

«Горбушка». Москва

День города Москвы

Замечательные московские, молодые и талантливые артисты

Концерт в клубе. Москва

Концерт в «Театре оперетты» в Москве

Концерт для ветеранов

Концерты в Москве

Ляля – солистка Росконцерта

Очень красивый плакат, продавался в огромных количествах в Москве

Рублёва, Гальперин, Людковский

«Пусть говорят» на Первом канале

Артист, да и только

Родина

Среди дорог

На пределе

Лучшие песни

Белая скатерть

Лучшие песни

В гримёрке

В работе

С Николаем Бандуриным – девятое мая в Москве

Программа Первого канала. Москва

Фотосессия

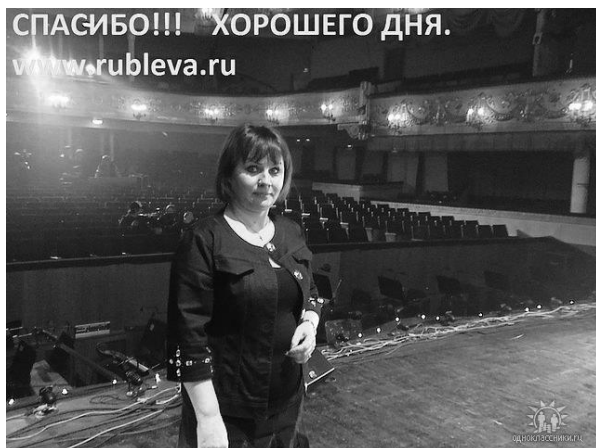
Съёмки. «Россия-1»

Лялюшка – солистка коллектива Росконцерта

В репертуаре нашего вокально-инструментального дуэта есть песни и композиции на любой вкус

В «Театре оперетты»

Видеоальбом, производство студии «Ночное такси»

Ляля на «Первом»

На сцене холла «Атмосфера» в Санкт-Петербурге

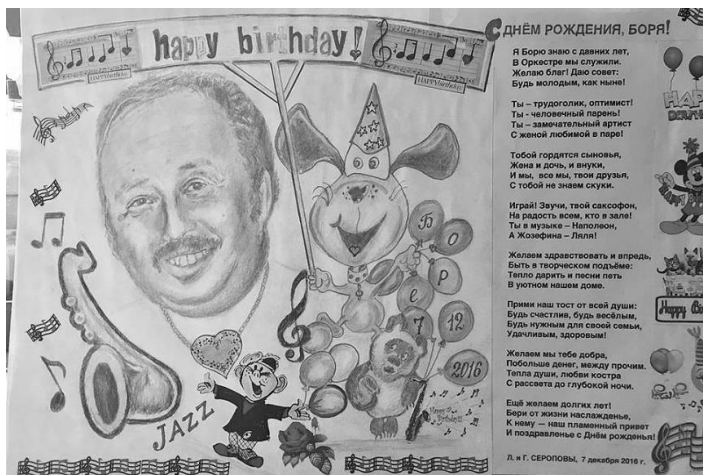
Концертная афиша моей дорогой жёнули
и королевшины шансона

Восемь лет мы были хозяевами ресторана
«Карусель»

Вошли в образ

День рождения

Дружеские жаржи от Жорочки Серопова

Дуэт «Сувенир»

«Карусель»

Концерт с Мишей Гулько

Концерты по США

Ляля и Боря

MOMA

Музыкальное шоу «Souvenir USA»

«Music show»

Наш дуэт

Наш ресторан «Карусель»

С актрисой, автором и исполнителем песен, теле-
и радиоведущей Валерией Коренной

С Мишей Плоткиным

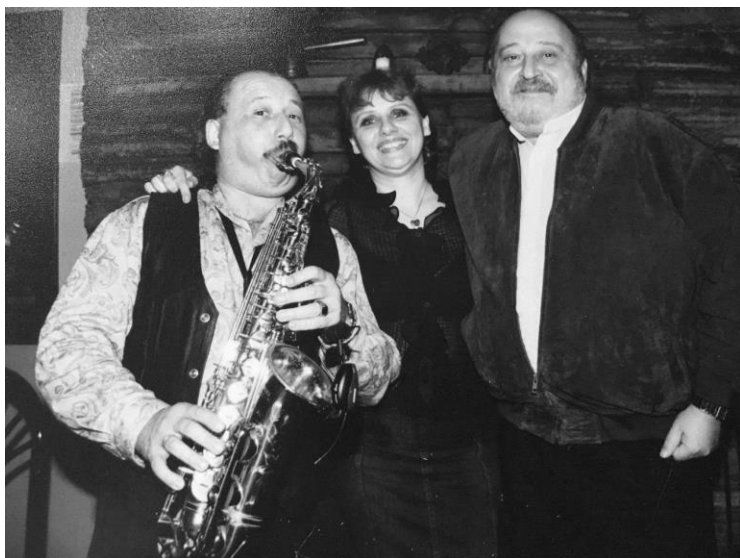
С друзьями в Поконо

«Сувенир»

Трублю

С Георгием Вайнером

Сцена. Ляля

С Мишей Гулько

Экстаз

Живая музыка

Live music

Незабываемая живая музыка в разных стилях
и на различных языках в исполнении дуэта

SOUVENIR

Борис
Людковский

Ляля
Рублёва

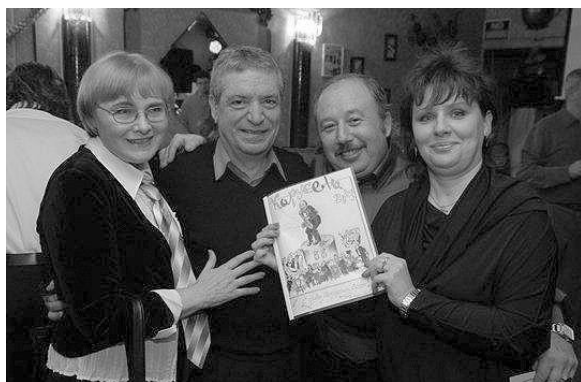
www.rubleva.ru

«Souvenir USA»

Love you

Друзья Сероповы

Зазвездились вместе

Запись новой песни

Играй, саксофон

Концерт в клубе. Нью-Йорк

Концерты с легендой шансона Владимиром
Асмоловым

Ляля в любимом ресторане

Мамуля и Алиска

Мы поём в своём ресторанчике «Карусель»
в Бруклине. Нью-Йорк

На концерте памяти Михаила Круга

На концерте в «Мастер-театре». Нью-Йорк

На пароходе музыка играла

С Евгением Александровичем Евтушенко нас познакомила в нашу бытность в Израиле, прямо перед концертом одна небезызвестная артистам «продюсерша». Зрителей ещё не было и Евгений Александрович прохаживался по фойе с черным портфельчиком. Он посматривал на нас с опаской, а потом осторожно предложил: «Мы ж московские, давайте выпьем по чуть-чуть».

На TV в Израиле с Хананом Йовелем

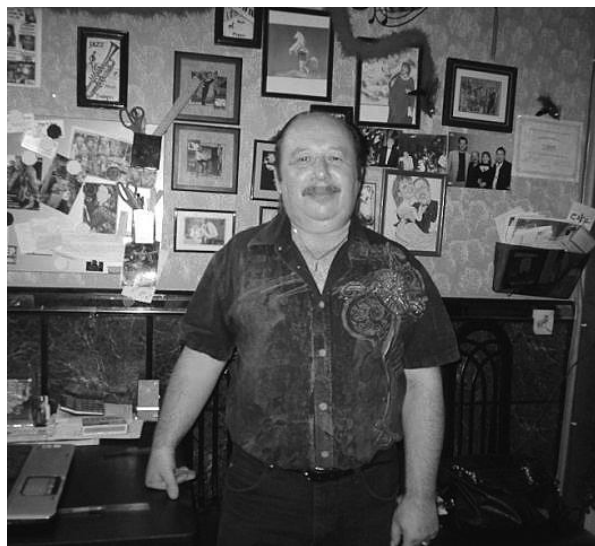
Настя, Ляля и Юра

Наш друг Миша Гулько, любимец миллионов

Наш любимый ресторан «Карусель». За восемь лет
много добрых воспоминаний

«Карусель»

Наши добрые питерские друзья Армен и Слава

Один из вариантов наших партнёров. Замечательный дуэт «сёстры Райфл»

Программа на ТВ

Оформление диска «Голубое платье»

Программа «Вспомни всё»

Программа на ТВ «Поговори со звездой»

Песни разных лет

Программа «Русская песня» с Алексеем Адамовым

Радио Дэвидзон. Интервью с Людмилой Сенчиной.
Бруклин. Нью-Йорк

С артистом театра, кино и эстрады Александром
Рапопортом

С замечательным артистом и добрейшим человеком
Львом Дуровым

С прекрасным детским писателем Анатолием
Алексиным

Наше израильское трио – Ляля, Изюм и я

С известной актрисой Ларисой Лужиной

Студия «Ночное такси». Выпуск музыкальных альбомов.

Судьба эмигранта

Участие в концерте на Таймс-сквер (Нью-Йорк)

Шоу

Шоу Ляли Рублёвой

Чапай думает

Вперёд, и с песнями!

Вперёд и с песнями – лозунг правильный, но, когда у тебя нет машины, известно, что ты как без рук. Вот и мы страдали от отсутствия колёс, потому что, выезжая на любую халтуру, вынуждены были брать такси и практически работали только на проезд – цены в Израиле сильно кусачие. В общем, решили воспользоваться алимовской льготой на покупку авто. Денег на покупку катастрофически не хватало, и мы, набравшись наглости, обратились с этим вопросом к Ханану. Он сказал, что даст нам гаранта для покупки машины, если мы не сойдём с ума и не купим, как все наши приезжие собратья, дорогущие «Mitsubishi». «Не ели, не пили – купили!» В общем, мы сделали так, как советовал наш друг, и приобрели себе недорогой «Fiat Uno». После всех советских автомобилей, это была машина-сказка, «фирма веников не вяжет».

Началась другая жизнь. Мы загружали в эту малолитражку наш нехитрый звуковой аппарат, тоже одолженный израильскими артистами, на передних сидениях располагались: я за рулём, наш новый клавишник-виртуоз Изя Кессель, человек талантливый, крупный и добрый – рядом со мной, а Лялька помещалась сзади в багажнике, рядом с инструментами, так как была тонкая и звонкая.

Немного подробнее про Изюма, как мы называли нашего партнёра-музыканта. Познакомились мы с ним совершенно случайно. На только что купленной машине я проезжал по шоссе между городками Большого Тель-Авива и, завернув

на бензоколонку, увидел вывеску «Ресторан Аленушка». «Кажется, это то, что нам нужно», – подумал я. Для поддержания штанов и просто для музицирования нам нужен был именно кабак.

Ресторанчик размещался в небольшом помещении, пригодном и для магазинчика, и для кафешки, с туалетом на улице, из которого исходил аромат «на всю ивановскую». Встретил меня симпатичный, средних лет, мужчина и, выслушав мою историю, ответил, что в принципе у него есть уже дуэт, но почему бы не взять саксофониста и еще певицу? Звали хозяина Миша, он очень любил музыку. Нам повезло.

В тот же вечер мы начали там работать и познакомились с Изей и Инночкой. Мы с Изюмом сразу учуяли друг друга музыкантским нюхом и залабали так, будто знакомы сто лет. Вы, дорогие читатели, наверно, уже поняли, что это был за ресторанчик, а в те времена, 1993-1995 годы, это ещё была и концертная площадка для заезжих российских гастролёров. Понятное дело, в России были тяжёлые времена для всех, а для артистов тем более – на концерты и в театры мало кто ходил, а артистам нужно как-то выживать, вот и потянулся нескончаемый поток российских звёзд в «израиловку», где новый израильский «пипл» родную русскую культуру забывать не собирается и иврит особенно никто не учит, поэтому израильская площадка – идеальное место для российского артиста.

Российские звёзды в «Аленушке»

Первым приезжим артистом был обаятельный Владимир Винокур. Импресарио, привёзший его в Алёнушку, наверное, думал, что будет аншлаг или хотя бы немного людей, но оказалось, что или реклама не сработала, или что-то другое, но в зале были только мы, а на сцене артист Винокур. Володя с юмором сказал:

– Ну, бывает. Это известная картина, у артистов это называется Ленин и печник, или сокращенная программа. Короче, я спою пару песен для вас, а вы – для меня и сделаем «Ле хаим». Так и порешили.

Мне очень запомнился приезд Любы Полищук и Альберта Филозова, к сожалению, картина была та же – пустая «Аленушка», но мы замечательно провели вечер. Прощаясь, очаровательная Люба сказала:

– Ребята, вы такие клёвые, я хочу петь с вами джаз, но в другой раз.

Увы, другого раза так и не представилось.

Хотите – верьте, хотите – нет

Наряду с нашей ресторанной работой, мы периодически продолжали выступать по разным городам Израиля с концертами, и вот, в одном из городов произошла с моей Лялей удивительная

история. Сразу после концерта к нам за кулисы пришла женщина средних лет интеллигентного вида. Представилась и сообщила, что она хотела бы поговорить с певицей.

— Весь концерт я не могла оторвать от нее глаз, она излучала столько позитивной энергии, что мне захотелось сделать ей подарок, — сказала она.

Речь, конечно, шла о моей супруге Ляле, которая ещё не успела переодеться после концерта и, уставшая, сидела у зеркала в гримёрной. Она просила меня никого к ней не впускать, но женщина продолжала настаивать, чтобы ей предоставили возможность преподнести Ляле подарок. Мне ничего не оставалось делать, как попросить Лялю выйти в зрительный зал. Ляля, будучи человеком весёлым и ценящим внимание и любовь зрителей, приходящих на её концерты, мгновенно откликнулась на просьбу незнакомки. Зрительный зал был пуст, рабочие сцены делали свою работу, убирая декорации. Музыканты болтали, смеялись и упаковывали свои инструменты. В общем, каждый занимался своим делом. Загадочная дама обратилась к Ляле со словами:

— Я внимательно следила за вами во время концерта. Бог одарил вас прекрасным голосом, очаровательной внешностью, а вот роста немного не хватает, сантиметров десять. Но это легко исправить. Если вы не против, могу прямо сейчас показать, как это будет выглядеть.

Присутствующие и глазом не успели моргнуть, как незнакомка взяла Лялю за руку, подвела к авансцене и попросила прилечь, вытянув ноги. Она сказала, что продемонстрирует на большом пальце ноги как удлиняется рост. Ляля, без лишних уговоров, прилегла на авансцене, все музыканты и обслуживающий персонал побросали свои дела и столпились рядом. И тут началось.

Чародейка несколькими движениями руки вырастила большой палец ноги моей любимой артистки сантиметров на пять. Все ахнули. Я, стоявший рядом, побелел от страха. «Что ж теперь будет? – только и успело пронестись моей голове, – А вдруг палец так и останется огромным и недоделанным?» Ляля тоже испугалась. Ну, как теперь обуть туфель, или что, ходить босиком?! Или придётся обращаться к хирургу? Да, похоже, Ляля попала.

Присутствующие при этом зрители отреагировали по-разному: кто сразу начал причитать и судачить о том, что теперь будет, неунывающие музыканты принялись вспоминать различные курьёзные случаи, которые происходили с другими артистами. Но чародейка, заранее зная реакцию зрителей на её дар, остановила все разговоры и попросила поискать линейку или сантиметровую ленту. У запасливой директрисы-администратора всегда всё было под рукой. Вот и сейчас, она вытащила из своей сумки сантиметр и подала незнакомке. Та измерила палец на второй ноге, приложив сантиметр к пальцу-гулливеру,

выращенному на глазах ошеломлённой публики, и произнесла:

– Лялечка, не волнуйтесь, сейчас всё встанет на свои места. Я хотела всего-навсего показать вам, как это работает, а завтра я приглашаю Вас в свой кабинет и с радостью подарю вам эти десять сантиметров роста, которые сделают Вас неотразимой.

С этими словами она несколькими лёгкими движениями руки поставила на место палец и измерила сантиметровой лентой обе ноги. Всё вернулось. Попрощавшись с нами, женщина удалилась, а все присутствующие, включая Лялю Рублёву, остались на сцене в полном недоумении. Так и витала в пространстве крылатая фраза: «Хотите – верьте, хотите – нет».

Последующие несколько дней Ляля совсем потеряла покой. Она только и думала о том, что надо бы стать выше ростом. Я считал, что лучше не надо подобных экспериментов и отговорил мою, и так очаровательную, супругу от резких движений.

Письмецо в конверте

Вот ещё случай из нашей эмигрантской жизни. Как я и обещал, моё повествование будет полно приключений. Всем пользователям интернета то и дело приходят сообщения на имейл либо в различных социальных сетях. Сообщение гласит: «Полученное письмо не игнорируй, а срочно разошли его, минимум, по десяти адресам». На самом деле, это

не просто письма, а настойчивое руководство к действию. Иногда в таких посланиях даже содержится некая скрытая угроза: «Попробуй не сделай – пожалеешь!» Но это всё присказка, а вот вам быть.

Как-то мы попали в нашем любимом Израиле в денежный цейтнот. Время было сложное – работа резко ограничилась, телефон замолчал, на дворе очередная интифада, счета, страховки и прочие прелести неустанно продолжали приходить и заполнять наш почтовый ящик. Сами понимаете – весёлого мало, настроение на нуле, и тут среди всех этих злополучных бумаг попадаете нам одно письмецо.

Надо сказать, что рассказ мой не о нынешнем компьютерном периоде, когда мы днюем и ночуем в Facebook, выставляем фотки в Instagram и дружим со всем миром в «Одноклассниках», «Контактах» и прочих социальных сетях, а о приснопамятном 1995 годе. В те, уже далёкие времена, мы общались друг с другом по телефону, а при необходимости, писали обычные бумажные письма и посылали их обыкновенной почтой.

Так вот, к теме моего рассказа. Это весёленькое письмецо попало мне в руки первому. Я его распечатал и, прочитав, уже собирался выбросить, как вошла моя жена и, увидев, что я читаю какое-то послание, заинтересовалась его содержанием и, естественно, тоже захотела его прочитать. Я улыбнулся и передал письмо Ляле. Прочитав его, она разозлилась, итак дела идут

хреново, а тут ещё это дурацкое письмо, которое, якобы, нельзя проигнорировать.

Так что же было в этом письме, спросите вы. Содержания уже не помню, а вот послесловие было следующим: «После того как вы прочитаете это письмо, его нужно размножить и разослать по двадцати адресам, за это в ближайшее время вы будете вознаграждены. В противном случае, не ждите ничего хорошего».

Делать нечего, деньги нам были нужны позарез, а неприятности ни к чему, поэтому долго не раздумывая, дабы избежать проблем, мы решили, на всякий случай, выполнить условия, указанные в письме, и принялись за работу. Сделали копии, купили конверты, марки, в общем, всё проделали быстро. Работа готова. Следующая проблема заключалась в том, кому рассылать письма. Если близким знакомым, то вряд ли мы их этим обрадуем. Мы решили осчастливить соседей, проживающих в ближайших домах и, побегав полчаса по подъездам в тёмное время суток, разнесли эти волшебные письма.

В скором времени, погруженные в свои проблемы, мы забыли об этом послании. Прошло несколько дней. С утра у нас была назначена встреча с очередным работодателем, мы уселись в наш «Fiat» и отправились на место встречи с организатором праздничных мероприятий, в надежде получить заказ и тем самым как-то поправить наши финансовые дела. На Тель-Авивской набережной, по которой мы ехали, в тот день была серьёзная пробка. Мы медленно тащились в левом ряду мимо верениц гостиниц, то

и дело останавливаясь. И вдруг, в один момент, мы оба онемели от увиденного. Навстречу нам, прямо по ветру, кружась и извиваясь, словно бабочки, летели денежные купюры. Красивые, как осенние листья, они клеились к стеклу машины, словно говоря: «А вот и мы, привет». Ляля крикнула:

– Боря, стой!

А как я остановлюсь, если сзади подпирает вереница машин? Но перед этим волшебством мы, конечно, устоять не могли. Остановив машину прямо на проезжей части, мы выскочили из неё и стали ловить эти вожаденные бумажки, надо сказать, что деньги сами летели в Лялины руки. Всё произошло настолько быстро и неожиданно, что остальные автомобилисты даже не успели сообразить, что же собственно происходит, и тем самым помешать нам, а то и потребовать своей доли. Делиться ни с кем, сами понимаете, нам не хотелось. Всё закончилось так же внезапно, как и началось. Денежный листопад прекратился, мы быстро запрыгнули в машину и совершенно ошарашенные покатали дальше, не совсем осознавая, что же произошло.

Сумма подарка оказалась более чем внушительной. Хватило оплатить все счета, раздать долги, да ещё осталось и на бутылку с хорошей закуской. С работой тоже всё наладилось. Впоследствии мы неоднократно пересказывали эту историю друзьям и знакомым, каждый раз как бы заново переживая тот волнительный эпизод нашей жизни. Вот таким магическим оказалось то письмо.

С тех пор подобные письма я не игнорирую, несмотря на их назойливость.

Тель-Авив – Москва. Гастроли

Наверное, всем известно, что существует такая серьёзная организация под названием «Сохнут». Это агентство по организованной и хорошо продуманной процедуре возвращения евреев, а также членов их семей и сочувствующих на историческую родину, то бишь в Израиль. Каждому понятно: чтобы донести идею до заинтересованных в этом переселении людей, проживающих, скажем, в бывшем Советском Союзе, нужно периодически организовывать акции или рекламные компании с привлечением деятелей культуры. Так и случилось. По доброй рекомендации нашего Израильского друга Ханана Йовеля, в один прекрасный день у нас дома раздался телефонный звонок из Министерства Иностранных дел Израиля. Мы получили приглашение на аудиенцию с представителем отдела культуры. Короче говоря, нас с группой израильских артистов эстрады отправляют на гастроли в бывший СССР.

Шёл 1993 год, мы уже около трех лет прожили в Израиле, ни разу не побывав за это время в Москве. С огромным удовольствием мы стали собираться в поездку. Надо сказать, что у нас сразу возникли некоторые трудности. Во-первых, советского гражданства у нас не было, так как при отъезде из СССР у нас его отобрали, мы ещё и денег в ОВИРе приплатили за отказ от гражданства. Но это полбеды, так как, в принципе, мы могли бы ехать

и с израильскими паспортами. Но тут возник другой вопрос – как оказалось, в Израиле нам срочно нужны были гаранты, которые будут отвечать за нас головой и кошельком, если мы надумаем дать задний ход и застрянем в Москве, из которой мы с такой радостью удрали. Несмотря на то, что у нас в Израиле оставались двое наших детей, банк и прочие инстанции это не интересовало – дай им гаранта, и всё.

Кстати, гаранты в Израиле – отдельная тема. Никто, как вы понимаете, быть таким гарантом не стремится, и это понятно – каждый боится, что на него ляжет вся ответственность за нас, и в случае чего, ему придётся в полной мере выплачивать за нас всю сумму так называемых «подъёмных» денег. Эти деньги выдаются каждому эмигранту (олим ходашим) при въезде в страну для обустройства на первое время. Все, кто прошёл этот путь великого переселения, прекрасно знают, что этой корзины ни на что не хватало, поэтому огромное количество аферистов, приехавших в страну различными гостевыми путями, рубили бабло и подписывали эти гарантийные бумаги сотнями, а потом смывались из страны так, что пятки сверкали. Всеми правдами и неправдами мы прошли и через эти препятствия, просто нам как-то повезло. Наши добрые друзья совершенно безвозмездно нам помогли. Они знали, что мы никуда не денемся от своих детей, и понимали, что для нас, артистов, концерты и гастроли – жизненная необходимость. Всё благополучно было оформлено, и вот настал день отъезда. Компания

артистов-гастролёров собралась у нас симпатичная и весёлая.

Такие вот гастроли по России

Наши гастроли по России начались в Москве. Замечательная площадка – Дворец молодёжи – по тем временам считалась в Москве центральной, народа собралось битком, полный зал. Конечно, пришли все наши родственники и кое-кто из друзей. Всё это проходило под эгидой дня независимости Израиля. Мы привезли с собой много различной израильской символики, сцена была украшена флагами стран и транспарантами, было красиво и торжественно. Мы с Лялей закрывали концерт, то есть работали в конце второго отделения. Стоя на сцене, почти в кулисе, я увидел нашего приятеля Илью Духовного (композитора и продюсера Татьяны Булановой, Натальи Ветлицкой и многих других артистов). Он выбежал на сцену и встал рядом со мной, кайфуя от израильских песен, которые пела Ляля.

Закрывая концерт, по традиции, Ляля должна была исполнить гимн Израиля (Ха Тиква) и уже было собралась петь, как вдруг руководитель нашей программы, популярный артист и теле- и радиоведущий Иосиф Тавор объявил, что приглашает для исполнения гимна на сцену хор Московской синагоги, и Ляля вместе с Михаилом Турецким и его хором (а это был именно этот коллектив), как говорят в России, порвали зал и заслужили долгие овации зрителей. После этого

замечательного концерта нас пригласили на фуршет в новую шикарную гостиницу у киевского вокзала.

Встреча была на высшем уровне, на входе в зал нас встречали Иосиф Кобзон и Юрий Лужков, народу было море, еда на столах самая разнообразная, в общем, солидник. Но в тот момент, когда мы с Лялей только собрались выпить и закусить, к нам подошли мои соседи по московскому двору, известные артисты эстрады Алла Йошпе и Стахан Рахимов. Между нами завязалась оживленная беседа, им было интересно узнать про Израиль – как там с концертами и что вообще происходит. Мы подробно и охотно отвечали на все вопросы, а когда распрощались и оглянулись вокруг, то увидели, что банкет пришёл к своему завершению, то есть всё было съедено, и на нашу долю осталась пара бутербродов. Вот так поболтали. Ну, ничего, наши родственники устроили нам вкусный домашний ужин, и мы своё наверстали.

Далее, в продолжение нашей поездки, было ещё три города. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что на нас снизошла царская милость в лице Аллы Борисовны Пугачёвой. Российская звезда и, как известно, большой друг Израиля, часто посещает эту солнечную страну. Даже венчаться со своим, теперь уже, бывшим, мужем Филипом Киркоровым она предпочла на святой земле. Узнав о готовящихся гастролях Израильских артистов и понимая, что её помощь в организации и проведении будет высоко оценена работниками Израильского представительства в Москве, Алла Борисовна снарядила нас комплектом звуковой аппаратуры, звукооператором, да ещё своим

персональным вагоном. Этим она очень нам помогла. Мы с Лялей просто купались в звуке и вспоминали добрым словом госпожу Пугачёву. Отработали мы все концерты с блеском, народ во всех городах принимал нас на ура, было такое ощущение, что все собрались в Израиль.

Время отъезда. Нашу концертную группу доставляют в аэропорт Шереметьево, представитель израильского посольства быстренько простился с нами и был таков. Мы с Лялей в первых рядах сдали свой чемоданчик и стали ждать, когда это сделают остальные артисты, и тут началось. Оказалось, что у нас очень большой общий перевес, все накупили шмотья в Москве, платить никто из артистов персонально не хочет, так как прекрасно знают, что денег обратно никто не получит. Сумма получалась солидная. А наш чемодан, тем временем, уже поехал к самолёту. Надо сказать, что руководитель нашей группы, Иосиф Тавор обратно с нами не полетел, он остался по делам в Москве, и я понял, что наше дело – швах. Пока все препирались, кто и как будет платить за перевес, самолёт благополучно взмыл в воздух и улетел в Израиль вместе с нашим багажом, а мы остались в пустом зале аэропорта. Это уже было не смешно, я позвонил в посольство и объяснил, в какую щекотливую ситуацию мы попали. Мне ответили, мол, не волнуйтесь, всё решим, и скоро за вами придет наш представитель. Так всё и произошло. Нас привезли обратно в посольство, извинились, тут же при нас открыли сейф и выделили нам по пачке денег, даже не пересчитав их, и сказали: «Ребята, гуляйте и наслаждайтесь жизнью. Для вас

забронирована та же самая гостиница. Надо сказать, что для нашей группы, состоящей из шести человек, был отведён целый этаж «Интуриста» у метро «Каховская», и даже охранник дежурил круглосуточно. Всё было по-взрослому.

В аэропорт нас возили ещё два раза, и оба раза возвращали обратно в гостиницу – никак не могли посадить нас на прямой рейс Москва – Тель-Авив из-за отсутствия мест. А мы с Лялей сильно и не переживали по этому поводу, так как наш чемодан был уже дома, и здесь, в Москве, мы оказались налегке.

«GOLD FINGERS» (Золотые пальцы)

Как-то раз, листая израильскую газету и просматривая объявления на предмет работы для музыкантов, Ляля вдруг радостно воскликнула:

– Боря, я нашла тебе классную подработку! Ты будешь работать в марокканском ВИА и зарабатывать приличные деньги.

Я взвизгнул от этой радостной перспективы, так как сразу представил себе мароккано-арабскую четверть-тоновую музычку и страшный рёв музыкальной аппаратуры, которая обычно включалась на полную мощность, чтобы веселье било по голове. Через несколько дней, созвонившись с хозяином коллектива, я отправился на первую свадьбу, ибо это и было основное направление шоу-бизнеса, в котором работали «Gold fingers» (Золотые

пальцы). Марокканские ребята-музыканты стояли на сцене в ослепительно белых костюмах и очень прилично играли коммерческий популярный американский репертуар. Максим, так звали босса, сразу пригласил меня занять место на сцене, и я со своим саксофоном сходу влился в общее звучание.

В общем, всё у нас срослось, меня приняли на работу, и пошло-поехало. Самый лучший и многолюдный свадебный рынок Израиля – это выходцы из Марокко. Они тысячами собирались на свадьбы во всех городах страны. Меня сразу назначили ещё и ответственным водилой. В мои обязанности входило собрать музыкантов из Тель-Авива и в быстром темпе везти их к месту свадебного действия.

Мои новые друзья-музыканты не отличались пунктуальностью, они постоянно опаздывали к месту встречи, и мне приходилось нестись на всех парах каждый день в разные города страны на различные торжества, постоянно нарушая скоростной режим. Наш босс Макс нервничал, названивал каждую минуту по телефону и кричал: «Борис дай газу, штрафы плачу я!» Я ему отвечал: «Нет проблем», и жал сильнее на газ. Слава Богу, на штраф никогда не попадал.

Приезжая в очередной зал, я тотчас же отправлялся в буфет снять напряжение и пропустить стаканчик вискаря перед началом представления. В самый апогей, когда на сцену выходил великий марокканский певец Хаим, меня отпускали на отдых, так как их национальную четверть-тоновую музыку я играть не мог, и моё место на сцене занимал скрипач арабского происхождения, который был в этом жанре большим спецом. Я затыкал уши берушами и ждал конца веселья. На обратном пути домой, моя музыкантская команда размещалась в машине и начинала поголовно храпеть. Я ругался с ними, говорил, что сейчас тоже

усну, что их храп мешает мне рулить, но эти архаровцы слушать меня не хотели. В итоге, я благополучно засыпал и, просыпаясь, в ужасе судорожно подскакивал на сиденье, не понимая, где я – в Москве на Садовом кольце или в Израиле.

Вхождение в шансон

Шансон в нашей жизни и творчестве занимает важное место, и эти воспоминания – об увлекательном интересном, но довольно непростом пути, пройденном нами к любимому во всем мире музыкальному жанру.

Будучи музыкантом-инструменталистом и вдобавок, мужем прекрасной певицы Ляли Рублевой, которая в те времена еще не звалась Лялей Рублевой, я неоднократно задумывался, что стоит мне, как и многим другим музыкантам, попробовать стать композитором. Это, конечно, шутка, думал я, прекрасно понимая, что композиторы – это Чайковский, Дунаевский, Островский... И вдруг Людковский. Но в один прекрасный день я знакомлюсь с поэтом Яном Гальпериным, который проживал в пяти минутах от меня, в центре Израильского городка Бат Ям. Между нами завязалась дружба.

Писать песни нетрудно

Яна сразу удивил тот факт, что у певицы Ляли нет своего репертуара.

– Борь, ты классный музыкант, – сказал он, – но дальше-то что? Рядом с такой клёвой певицей ты должен стать композитором и начать писать для нее песни. Это нетрудно, сейчас каждый третий пишет, ты тоже сможешь, и я тебе в этом помогу.

Сказано – сделано! Ян Сеич Гальперин был человеком предприимчивым, с его легкой руки увидели свет песни в исполнении многих певунов Российского шоу-бизнеса. Среди исполнителей – группа «На-На», Лариса Долина, и вроде бы даже сама Пугачева с песней Робот, правда, там произошла какая-то стрёмная история. Ян рассказывал, что это его текст, а Танич утверждал, что слова к песне написал он, но это то, что я слышал от Яна.

В общем, Гальперин снабдил меня первыми несколькими текстами со словами:

– Делаем из твоей жены шансонную певицу, даем ей сценический псевдоним Рублева. И будет она у нас Ляля Рублева, и все будут звать ее Рублиха, как Пугачеву – Пугачиха.

Благо, прабабушка Ляли носила эту фамилию.

«Белая скатерть» – наш шансонный дебют

Понеслась работа. Первое свое произведение я написал на слова Яна, и назвали мы наш шедевр «Белая скатерть». Позже на эту песню на НТВ отсняли видеоклип, вышла первая наша шансонная пластинка с одноименным названием. Записали мы ее на студии югославского музыканта Петра Паича (бас-гитариста ансамбля Джорджи Марьяновича и Радмилы Караклаич). В записи участвовали первоклассные музыканты Ник Кишеневский, Илья Бершадский, Алекс Слуцкий, Алекс Канцберг, Игорь Перчук и мой старший сын Андрей Людковский. Сразу после первого альбома мы приступили к записи второго альбома «Ах, жизнь эмигрантская». В общей сложности, от нашего творческого союза с Яном Гальпериным родилось почти семьдесят совместно написанных и милых сердцу песен, в основном в стиле русский шансон. В те времена, о которых идет речь, еще не было такого изобилия шипящих, скрипящих и мурлыкающих певунов, и дело наше шло хорошо. Закончив сочинение и запись песен, я решил сделать небольшой тираж дисков, чтобы не с пустыми руками приехать в Москву и влиться в российский шоу-бизнес.

Без сложностей не бывает и в музыке

Увы, компания по выпуску дисков мне подвернулась хреновая, да еще, как оказалось, французская (проживающие в Израиле выходцы из самого Парижа), дизайн, да и качество звука

в мастеринге запороли, и в Москву мы приехали с очень сомнительного качества записанным материалом, да еще Гальперин, помнится мне, при записи альбома все время давил на нас: «Давайте делать из Ляли шансонную певицу, это надо сейчас на эстраде, она должна быть наполовину Пугачевой и на другую половину – Высоцким, никому не надо петь голосом, доноси, хрипи!» Музыканты меня настраивали: «Пусть он не мешает на записи, Лялька отличная певица с настоящим голосом, надо пользоваться этим даром, который есть у нее, а у многих нет». Ян стоял на своем, и я ему доверял. Но тем не менее, приехав в Москву и пооббивав пороги разных студий, я всё-таки продал наш материал на студию «Moroz Records», там он понравился, и наша «Белая скатерть» зазвучала из рыночных палаток, что, по мнению моего приятеля, музыканта и композитора Аркадия Укупника, и было нужно, чтобы раскрутить новую шансон-певицу Рублиху.

Московский шлягер» — еще один важный шаг

Увидев клип «Белая скатерть» в телеящике, Лялю заметили редакторы телевизионного канала ТВ-6 и пригласили вести вместе с Ириной Салтыковой музыкальную программу «Московский шлягер», что было для нас хорошим подспорьем для раскрутки. Нас стали приглашать на концерты. Это были времена, когда в Москве работали казино и прочие злачные места, времена кооперативного движения очень мутной воды и больших денег. Русский шансон звучал из всех утюгов и кабаков. Мы с Лялей выступали и с эстрадными звездами, и с шансон-тусовкой. В это время возникло и зазвучало, пока еще только из Ленинграда, первое музыкальное радио «Рокс», организованное пионером, меломаном, энтузиастом и вдохновителем Александром Фруминым, к огромному сожалению, ушедшем из жизни в 2017 году на пятьдесят первом году жизни.

Хочу остановиться на персоне Саши Фрумина. Это был добрейший и талантливый человек, благодаря которому, собственно говоря, и зазвучало название «русский шансон». Саша был первым организатором и основателем радио «Шансон», а также «Русского радио». С его легкой руки увидели свет пластинки Александра Розенбаума, Михаила Круга, Елены Ваенги, Аркадия Северного и многих-многих других. Нам также посчастливилось подружиться с Сашей Фруминым и выпустить на его студии «Ночное такси» два наших альбома.

Первая наша встреча произошла в 1998 году в Ленинграде, в концертном зале «Октябрьский», где

проходил один из первых гала-концертов под эгидой «Русский шансон», организатором и продюсером которого был Александр Фрумин.

Шансон и Фрумин – синонимы

Мы с Лялей приехали из Москвы вместе с нашим добрым другом Мишей Гулько, настоящей легендой жанра шансон, первым записавшим самые сокровенные эмигрантские песни, которые слушали и рыдали под них как в Америке и других западных

странах, наполненных переселенцами из бывших республик Союза, так и в России-матушке. Ну, кто же не знает чудо-песен «Поручик Голицин», «Мурка», «Маруся Климова», «Белая берёза», «Годы молодые», «Синее небо России»?

О Мише Гулько – отдельно

О Мише Гулько у меня будет отдельный рассказ, так как этот человек сделал для нас очень много хорошего и реально помог нам в нашем становлении в Америке. Так вот, в 1998 году приехав в Питер, мы с Лялей были очень удивлены: в концерте принимали участие только артисты-мужчины, и Ляля была певица в единственном числе. Концерт состоялся, прошёл, как говорится, на стон. Зрители были в экстазе, перед Лялей выступал Михаил Круг. И вот Фрумин, который был и ведущим концерта, объявил: «Для вас поёт Ляля Рублёва». Зал замер. Это

было первое наше выступление в столь огромном зале, на публике, пришедшей послушать мэтров жанра шансон. Ляля спела песню. Сначала была мертвая тишина, видимо, от удивления, но уже через секунду зал разорвался от аплодисментов. Мы поняли, что это победа. Приняли!

А дальше были концерты и Смольный

Вам, мой дорогой читатель, конечно, интересно, а что же было с нами дальше? А наши приключения и злключения неслись с неудержимой скоростью. Как я уже говорил, у нас появилось много приглашений на концерты и корпоративы, которые так полюбили разбогатевшие жители столицы, да и не только. Приглашали нас нефтяники, газовщики и прочие, распухшие от внезапно свалившегося на них бабла, граждане уже бывшего Советского Союза. Артисты катались, как сыр в масле, они накупили дорогих машин, обзавелись квартирами с евроремонтом и начали срочно строить себе дома, а некоторые – и дворцы, понимая, что этот денежный поток, свалившийся внезапно, так же, в одночасье, может и прекратиться.

Тут нужно добавить, что на кассу, то есть по билетам, никто концерты не работал, у людей денег на концерты ходить практический не было (это был 1997-98 год, как известно Россию накрыл дефолт, и денежки у народа тью-тью). В общем, концерты проводились на откаты. Все, думаю, знают, о чём идёт речь.

У меня был друг детства Костя Кобылинский. На своё несчастье, он попал работать в разворованную до него Московскую Областную филармонию в качестве хударука и впоследствии был назначен директором филармонии. Чудом избежал тюрьмы за оставленное ему наследство в этом очаге культуры и перешёл работать в «Сад имени Баумана». Но надо сказать, что все концы по Московской области у него остались, и практически до самой своей смерти он нам очень помогал с концертами. Ушёл из жизни он, едва выйдя на пенсию. Сказались расшатанные нервы в филармоническом прошлом. Иногда, вспоминая моего приятеля, я думаю, а вообще надо ли ему было так рвать свои нервы? С малолетства он был прекрасным музыкантом-баянистом, проработал со всеми знаменитыми Российскими исполнителями русских народных песен (Ольга Воронец, Надежда Бабкина и др.). Мы с Костей познакомились в юношеские годы и играли в квартете на танцах, а летом выезжали в пионерские лагеря. Вот это было прекрасное безоблачное время молодости.

Хочу вспомнить еще очень интересное знакомство. Олег Марусев – артист театра и эстрады – познакомил меня со знаменитым администратором и продюсером Эдуардом Михайловичем Смольным, человеком, с которым мечтали работать все артисты эстрады. Он обладал необычайным даром сразу выявить талантливую и неординарную артиста. Послушав Лялины записи, он скомандовал:

– Привози её завтра на концерт в поликлинику «Аэрофлота», и будем посмотреть, как она на публике.

Как всегда, на концертах Смольного собирались самые лучшие артисты эстрады. Эдуард Михайлович объявил Лялин выход, представив её как исполнительницу эстрадного шансона, сказав перед этим, что он хочет услышать и почувствовать мнение публики и, если всем певица понравится, он берётся стать продюсером Ляли Рублёвой. Люди очень тепло встретили выступление Ляли.

Началась совместная работа, гастроли по городам и весям России-матушки. Так как у Эдуарда Михайловича было много важных дел, он приставил к нам Михаила Белоцерковского, назначив его директором певички Ляли Рублёвой. Михаил был опытным, прожжённым администратором, до сотрудничества с нами он переработал со многими артистами и, к нашему удивлению, нигде подолгу не задерживался. Наша совместная работа тоже продолжалась недолго и вскоре она закончилась. К сожалению, Эдуард Михайлович Смольный внезапно ушёл из жизни, и эта страница нашего шоу-бизнеса была перевёрнута.

ЦТ, ТВ и Андрей Разбаш

1998 год перевернул все планы нам с Лялей, да и не только нашей семье, а всем, кто в России в то время занимался каким-либо бизнесом. Ни для кого не секрет, что всё рухнуло и, стало быть, наша концертная работа, так же, как и у всех, накрылась медным тазом. Телефон замолчал. Не подозревая о таком развороте событий, мы загодя успели вложить в раскрутку нашего проекта в России определённую сумму денег и, доложу я вам, немаленькую. Эта денежка должна была пойти на выпуск новых музыкальных альбомов для Ляли, на проплату эфиров по ТВ, на подмазку различных редакторов на ЦТ, а в Останкино, всем на удивление, прямо при входе, в фойе висел наглый прейскурант цен, гласивший, сколько надо проплатить, чтобы вашего артиста показали по телящику.

Был у меня замечательный одноклассник, с которым мы учились в школе со второго класса – Андрюшка Разбаш, да, тот самый, который стал генеральным продюсером ОРТ, тот, с которым мы гоняли вместе в футбол на переменах и которого я совершенно случайно встретил после школы лет через десять в Южном порту, где мы оба продавали наши «запорожцы». Андрей в то время был еще на перепутье после института МАИ, который он закончил и не знал, куда податься: то ли пойти в такси денег заработать, то ли – в Останкино, где объявили набор монтажеров. Он пошёл в монтажеры и стал знаменитым Андреем Разбашем. Но помогать мне в моём музыкальном проекте он не мог – мешали условности и жена, которую все знали.

Мы приехали в Москву и попали на поминальные девять дней после смерти Андрея. Вместе с нашим общим приятелем мы поехали на кладбище, где он был похоронен. Нас с Лялей поразило, что это не какое-нибудь козырное московское место для захоронения известных и богатых людей, в число которых, конечно, входил Генеральный продюсер ОРТ, а простое сельское кладбище. Как потом мы узнали от общих знакомых, у Андрея от «большого миллионного состояния» о котором писали в те времена московские газеты, не осталось, вообще, ничего и даже для того, чтобы поставить ему памятник, потребовалась помощь. Что тут скажешь? Российский бизнес, особенно «неприхотливый» шоу-бизнес – только для крутых парней, но ни Андрей Разбаш и, думается мне, ни Владислав Листьев, так же рано ушедший из жизни,

такими свойствами не обладали, хотя, интересный факт: жена у них была одна и та же, и она-то уж бизнесвумен на все сто процентов. Но у этих парней что-то не сложилось.

Мы с Лялей в тот день, когда Андрея не стало, вылетали из Израиля в Москву, где у нас были намечены несколько концертов и встреча школьных друзей, на которую мы последние годы собирались с большим удовольствием. Кстати сказать, мы созвонились с Андрюшкой и оба болтали, предвкушая, как нам будет классно посидеть всем вместе, а прилетели мы на его поминки. Вот, как грустно бывает в жизни.

Так стоял я перед отъездом на нашу историческую Родину, теперь уже домой в Тель-Авив, глазел на останкинский прејскурант и думал: «Концерт пока что окончен». Денежки уплыли, надо ехать домой. Будем ждать, пока Россия вырুলит из дефолта, и продолжим.

Помощь свыше

Прилетели мы с Лялей домой, в Тель-Авив, и решили срочно начинать поправлять своё финансовое положение, сильно пошатнувшееся от общения с шоу-бизнесом по-русски. У нас не было ни денег, ни машины – я всё «предусмотрительно» зарядил в наш музыкальный проект в Москве и похоронил в водовороте российского дефолта. На нас начали наезжать израильские банки, у которых мы взяли ссуды под несостоявшийся бизнес, по телефону раздавались звонки с угрозами. Нашу дочку Алеську напугали.

– Предупреди родителей, – сказали ей, – мы через несколько дней придём забирать вашу мебель.

Она, действительно, сильно перепугалась. Воистину, банковские работники всего мира – бессердечные и некорректные, у них нет ничего святого, и плевать им на всё и вся. Их интересуют только тугрики. Вынь да положь. В общем, представляете наше положение?!

Первым делом я понял, что без машины нам не справиться, и тут выручила наша русскоговорящая

соседка по лестничной клетке. Она работала в израильской школе преподавателем английского языка, и её супруг приобрёл ей, как начинающему водителю... что бы вы думали? Да, да непонятно откуда взявшийся в Израиле автомобиль «Жигули» пятой модели красного пожарного цвета. Ученики школы при виде этой диковинной автомашины впадали в экстаз и начинали дразнить учительницу. В общем, моя соседка сказала:

– Забирай-ка ты, Боря, эту машину. Будут деньги – отдашь.

Это было спасение! Действительно «Жигуль» нас спас в этой сложной ситуации, и мы стали, как и прежде, мобильны и смогли разъезжать по всей стране.

Как известно, на одной музыке прожить невозможно в любой точке мира, а особенно в Израиле, где то и дело происходили разного рода конфликты, которые напрочь выбивали музыкальную работу, поэтому мы стали совмещать музыку с другими видами заработка. Бывало, поздно ночью заканчивали музыкальную работу где-нибудь на свадьбе или корпоративе, Ляля на ходу снимала концертное платье, переодевалась в джинсы и, мы летели на нашем «Жигуле» развозить булочки и бутерброды по заказам населения, желающего получить завтрак, прямо встав с кровати. Вот, в таком бизнесе нам пришлось поработать. На сон оставалось по несколько часов, так как впереди была еще подработка,

а если повезёт, то вечером – музыкальная работа. Особый шик выпадал на нашу долю, когда мы брали работу в гостиницах на Мёртвом море. До места от Тель-Авива было километров восемьдесят, и мы летели на всех парах, стараясь успеть искупаться в бассейне с водой из Мёртвого моря, съесть вкуснейший ужин, отработать в холле гостиницы три музыкальных заезда и лететь на другую халтуру. Времени на то, чтобы пожалеть себя, не оставалось, но мы не роптали. Да и детей надо было кормить.

За достаточно короткое время, как это ни странно, мы заработали денег, погасили все банковские задолженности и опять принялись сочинять новые песни. Мы точно знаем, что эта помощь пришла к нам свыше. Израиль – святая земля, и чудеса здесь случаются.

Как-то в очередной раз я возвращался с Мёртвого моря после выступления в гостинице. Я был в одиночестве – любимая супруга, и по совместительству, востребованная израильская певица с русским именем Ляля Рублёва, находилась в Европе, в гастрольном туре вместе с популярными артистами израильской эстрады Хананом Йовелем и Ехудом Манором. Лялю приглашали в тур как прекрасную певицу, да ещё русскую, без акцента поющую на иврите на концертах по еврейским общинам во всех странах мира. Ляля проходила на стон. Уставший после шоу, в белом костюме, даже не переодевшись, залезаю я в наш «Жигуль». На улице жарница жуткая, градусов сорок, не меньше. Летом на мертвом море всегда, как в парной. В «Жигуле», если вы помните, кондиционеров не предусматривалось,

и продувался он только на хорошей скорости с настежь открытыми окнами. Романтика. Темень, хоть глаз выколи. Поднимаюсь по серпантину с Мёртвого моря, доезжаю до Арада и дальше лечу на скорости вперед. И вдруг, на спуске глохнет движок моего «Жигулёнка». Я судорожно соображаю, скоро ли одна единственная на дороге заправка, которую мы называли «бедуинской». Она расположена как раз на повороте в бедуинскую деревушку.

Для непосвященных поясню: бедуины – очень дружелюбные проживающие в этих местах израильские арабы. Обыкновенно, когда едешь в сторону Мёртвого моря, они чинно восседают вдоль дороги, попивают кофеёк и ведут беседу между собой. А что им ещё делать? У них своя жизнь и свои порядки. Многожёнство, конечно, в Израиле запрещено, но у каждого восседающего с кофейком бедуина, по крайней мере, пять-шесть жён с детишками. Все жёны принадлежат своему господину и записаны в амбарной книге у шейха. В начале каждого месяца все женщины отправляются в Беер-Шеву, получают в Израильских банках пособие на детишек и аккуратно сдают денежки своему супругу. Поэтому, чего же беспокоиться? Сиди на ящике около дороги, смотри на мир и наслаждайся.

Вернусь к происходящему той ночью. Мне несказанно повезло. С Божьей помощью и к своему счастью, спускаясь с горки, дорулил на нейтралке до бедуинской бензоколонки. Навстречу мне вышел парень, спросонья посмотрел на мой белый костюм и удивлённо спросил, что привело меня в столь

поздний час. Я сообщил ему, что в моей замечательной машине на ходу оторвался ремень вентилятора (автомобилисты, наверное, уже поняли причину), и я, как говорится, «приехал». Мой новый друг сказал:

– Ну, дело поправимое, ложись и спи, а поутру я отвезу тебя в деревню, и наш механик всё починит.

Делать нечего – на дворе темень. Я улёгся спать. Моим пристанищем этой ночью стал «красный унитаз», а пижамой – белый концертный костюм.

Утром парень привязал мой «Жигуль» к своей машине и дотащил меня до своего поселения, которое было совсем близко. Такого в своей жизни я больше не видел. Деревушкой это назвать было трудно, на самом деле это были какие-то ящики, обрывки материи, куски разбитых машин и прочие обломки, как-то приставленные и привязанные друг к другу. Из одного ящика вышел умелец с плоскогубцами и каким-то ремнём, не то, от брюк, не то, от женской сумки. Видуха у него была такая, как будто он не просыхал с момента своего рождения. С видом знатока он осмотрел мою машину. Наверное, мужчина сроду не видел такого чуда. Пришпандорив мне ремень, как ни странно, в нужном месте, он получил денежное вознаграждение и тут же исчез в одном из ящиков.

В автомобиль я забрался со страхом. На удивление, он завелся, и по дороге, состоящей из одних колдобин, как будто в этих местах только что прошли боевые действия, и окопы ещё не успели засыпать, я выбрался на шоссе, ведущее в Тель-Авив.

Всю дорогу домой я ехал в напряжении и ждал, что вот-вот ремень, поставленный бедуинским умельцем, оборвётся, но не тут-то было. Доехал до дома в лучшем виде. Правильно люди говорят: «Израиль – святая земля, и чудеса здесь случаются».

Мой добрый друг Михаил Гулько – любимец миллионов

За время нашего десятилетнего пребывания на земле обетованной, нам довелось встретить немало интересных людей, а сколько было неожиданных и приятных встреч с теми, с кем мы не виделись с момента отъезда из СССР. Всех не перечислить. Об одной из таких встреч мой рассказ.

У меня зазвонил телефон: «Кто говорит?» Ах, это наш приятель Славик, специалист по завозу артистов из бывшего Союза к нам в израиловку. Кого

привез на сей раз, спрашиваю. Он мне загадочно отвечает: «А ты и не угадаешь. Приехал очень хорошо тебе знакомый человек, и у него сегодня концерт в Тель-Авиве, приходите, будешь приятно удивлён». Мы с Лялькой легки на подъём. Сказано «приятно», да ещё «удивлён». Собрались и вечером поехали на концерт. Ну, что вам сказать, друзья? Это, действительно, был сюрприз.

На сцене стоял хорошо знакомый и горячо мной любимый, непревзойденный Михаил Гулько. Мы не виделись с 1980 года, с момента его отъезда из Москвы на постоянное место жительства в Америку. Познакомились мы в одном из московских ресторанов, где работал ансамбль под руководством Михаила, а мы с приятелем пришли устраиваться к нему на работу. Мой приятель Мише очень понравился. Ему нужен был гитарист, и мой друг Дарик занял место на сцене рядом с маэстро, а я был рад, что друган – певец и гитарист – попал в хорошие руки. Михаил Гулько был очень опытный кабацкий музыкант, и находиться с ним рядом на сцене – огромное удовольствие. Меня с моим саксофоном Миша то и дело приглашал на халтуры, ему нравилось, как я играл, и он прозвал меня Паркером, а это был большой комплимент для меня, молодого музыканта (Чарли Паркер – американский джазовый саксофонист и композитор, один из основателей стиля бибоп).

Миша Гулько очень бережно и с большим пониманием относился к русскому и, особенно, эмигрантскому песенному творчеству. Такое количество репертуара, которое знает Миша, думаю,

не знает никто. Наверняка, его тезка Михаил Шуфутинский смог бы подтвердить мои слова, так как тоже имел удовольствие работать какое-то время в ансамбле с Гулько. Мы с Лялей ещё перед отъездом из Москвы слышали первые эмигрантские кассеты с записями Гулько, привезенные из Америки. Всем известные «Поручик Голицын», «Белая береза», «Мурка» и многие другие шедевры эмигрантского русского шансона. Миша, воистину, заслужил статус легенды жанра «русский шансон».

А тут на сцене собственной персоной стоит Михаил Гулько. Отпев первое отделение своего концерта под шквал аплодисментов, Миша спустился со сцены, подошел к нам. Обнялись, он удивленно спросил:

– Сына, это, действительно, ты?!

Надо вам поведать, дорогие читатели, что Гулько обладает неповторимым чувством юмора. Живя в Москве, я просто обожал в свой выходной день приходить в уютный рыбный ресторанчик «Русалка», который находился в саду «Эрмитаж», прямо напротив Петровки, 38. Свободных мест там никогда не было, так как это был мини-театр эстрады. В этом ресторане в те времена своим неповторимым голосом с проникновенными интонациями, присущими только ему одному, пел Миша, заставляя публику визжать и плакать. А как он хохмил, на ходу рассказывая анекдоты, которых, кроме него, не знал никто! Это вообще – песня!

В «Русалке» можно было увидеть самых знаменитых артистов, а можно было встретить также и завсегдатаев этого очага культуры, у которых в карманах лежали удостоверения заведения, что находилось через дорогу от сада «Эрмитаж». К слову сказать, мы с Лялей во времена приезда Гулько к нам в Израиль тоже работали в одноименном ресторане «Русалка», который находился на берегу Средиземного моря в Тель-Авиве. Ресторанчик наш располагался на набережной между Американским посольством и Российским консульством. Некоторые русскоязычные сотрудники посольства были постоянными посетителями «Русалки». Александр Евгеньевич Бовин, посол РФ в Израиле, тоже частенько заходил к нам и любил послушать русские романсы, которые пела для него Ляля Рублёва. Хозяин ресторана и наш хороший приятель Григорий, которого все называли почему-то Григорий Распутин, как и мы, был музыкантом, шикарно пел цыганские песни и тонко понимал душу музыкантов. Порой, глядя на нас и видя, что настроение неважное, он подносил нам фужеры с самым дорогущим коньяком и при этом всегда говорил:

– Ляля, тебе срочно надо выпить, сегодня голос у тебя какой-то не коньячный.

Всё то время, что Миша провёл в Израиле, мы не расставались, виделись каждый день, говорили о разном. Нам было, действительно, очень приятно снова увидеть друг друга через много лет. Вспоминали Москву, Миша хорошо знал моего отца,

музыканта-барабанщика, и очень уважительно относился к нему. Мы с Лялей как раз заканчивали запись наших двух первых альбомов «Белая скатерть» и «Ах, жизнь эмигрантская». Какие-то песни Мише понравились, какие-то – нет. Я принял это к сведению, прислушался к его советам и кое-что переделал. Уезжая к себе в Нью-Йорк, он сказал:

– Сына, если сильно устанешь от Израиля и у вас будет «горловое», звони. Чем смогу, помогу.

Через некоторое время мы еще раз встретились, уже в Питере, где Ляля вместе с Мишей и другими популярными артистами участвовала в большом Гала-концерте шансона в концертном зале «Октябрьский». Но, как я уже писал, наступил дефолтный 1998 год, который унёс вложенные в музыку деньги и некоторые надежды на продолжение музыкального шоу-бизнеса на неопределённое время. В 2001 году, поразмыслив о том, о сём, мы с Лялей решили отправить меня на разведку в Америку – на этот раз, не как в Израиль, со всей «мишпухой», а одного, и если я не пропаду, то вся наша семейка переберётся за мной в Нью-Йорк. По уму, это надо было сделать значительно раньше, но Андрей, наш сынуля, служил в это время в Армии обороны Израиля, мы не могли его бросить там одного и ждали, когда его служба подойдёт к концу.

В общем, вспомнив о том, что сказал мне Миша перед отъездом, я позвонил ему в Америку. Гулько не удивился звонку и сказал:

– Делаем, как договорились, ты приезжаешь один, и если здесь выживешь, то привезешь свое семейство.

Так и сделали, собрали меня в дорогу, и я отправился в Нью-Йорк.

Бокальчики и белый попугай

Помните, на телевидении была программа «Белый попугай»? Вел ее легендарный Юрий Никулин, оставивший светлый след в сердцах миллионов поклонников. Мне посчастливилось познакомиться с Юрием Владимировичем лично еще в далеком детстве, а позже довелось пообщаться еще раз, и вот, при каких обстоятельствах.

Однажды, гуляючи по Тель-Авивской набережной с поэтом Яном Гальпериным, мы размышляли, какую бы нам придумать песню для нашей Ляли, чтобы песня была весёлой и обязательно застольной. Вдруг, мой соавтор заговорщически прошептал:

– Боря, есть гениальная идея! «Чок, чок, чокают бокальчики» – это хит.

Я тут же подхватил и допел ему в лад:

– Мы уже с тобой не девочки, не мальчики.

Остальное было делом техники. Песня была готова. Назавтра, мы втроём отправились в студию звукозаписи, и Ляля записала новый трек, который вошел впоследствии в альбом «Голубое платье».

Этот «Чок, чок, чокают бокальчики» запал мне в душу и, я стал думать, как донести до слушателя наш новый хит, раскрутить песню. И пришла мне в голову шальная мысль: а что, если предложить «Чок, чок» Юрию Владимировичу Никулину для его телевизионной программы «Белый попугай»?

Так я и сделал по приезду в очередной раз в Москву, куда нас с Лялей пригласили участвовать в телевизионной программе на телеканале «Россия-1». Набрав номер цирка на Цветном бульваре, попросил к телефону Никулина, и нас, на мое счастье,

без проблем соединили. Я представился, нахально сказав:

– Юрий Владимирович, вы меня помните? Я Боря Людковский, вы дружили с моим папой, он работал в оркестре цирка барабанщиком, а я приходил на спектакли, и меня никакой силой нельзя было вытащить из-за кулис. А вы всегда шутили, говоря папе: «Борька – наш, цирковой пацан».

– Ну, чего я тебя забуду? Помню, конечно, – услышал я в трубке.

Я рассказал Юрию Владимировичу, что теперь пишу песни и одну из них хочу показать ему для «Белого попугая». Ответ последовал сразу:

– Приноси свою песню в цирк, оставь для меня на вахте, я послушаю и перезвоню.

Через несколько дней мы с Лялей уехали на встречу в Останкино. В Москве мы всегда останавливались у Лялиной мамы. На этот раз с нами была и дочка Алиска, которая хотела навестить бабушку. Вдруг в квартире раздается звонок, Алиска берёт трубку и слышит:

– Здравствуй, позови, пожалуйста, папу или маму.

– Их нет, дома мы с бабушкой.

– Я слышу, у тебя кто-то поёт. Хочешь, угадаю, кто?

– Угадайте.

– Это белый попугай.

– Да, это он. Как вы узнали? Вы что, по телефону увидели?!

– Вот увидел. Ну что, угадал?

Наш ребенок был в восторге, так как действительно у бабушки в клетке жил белый попугай Геша. На следующий день, я созвонился с Юрием Владимировичем и услышал от него:

– Песня – то, что надо.

Он добавил, что уходит в отпуск и поставит наши «Бокальчики» в свою программу, когда вернется. К великому сожалению, Юрий Владимирович Никулин отправился не в отпуск, а лёг на операцию, с которой так и не возвратился. С его лёгкой руки наша песня зазвучала на всех Российских радио шансон.

Голубое платье я надела

«Голубое платье я надела, это платье нравилось тебе». Со словами этой песни, которую исполняет Ляля Рублева, да и с самой песней было много курьезов. Первый вариант «Голубого платья» мы писали в Израиле, в студии нашего югославского саундмена Петра Паича из группы Джордже Марьяновича. Ян Гальперин, в присущей ему манере жестикулировать и доказывать всем, что надо делать только так, как он говорит, всем телом показывал, как Ляля должна двигаться и исполнять эту песню, чтобы донести до слушателя. Иными словами, он настраивал певицу на то, что ей нужно показать, что она не надела голубое платье, а уже сняла его. Это было шоу. Ляля всячески старалась уйти от этого сексуального действия, но Ян стоял на своём, а мои музыканты

и аранжировщик произведения, композитор Игорь Перчук, советовали вообще не прислушиваться к автору текста. В общем, цирк, да и только. В итоге, записанный вокал нам не понравился, и мы отложили «Голубое платье» в долгий ящик.

Вернулись к перезаписи вокала к этой песне мы значительно позже, только приехав в Америку, где-то в 2003 году. Происходило это в студии композитора Ильи Словесника, автора множества известных песен, в том числе, «Мы так любили Beatles», «Борода», «Сыновья» и других. На тот момент, у Илюши студии как таковой не было, всё было оборудовано у него в доме. В гостиной квартиры стоял микшерский пульт, за которым восседал маэстро, а Ляля стояла в наушниках перед микрофоном... в ванной комнате. Условия военные,

но надо отдать должное мастерству Ильи Словесника как превосходному саундмену и профессионализму певицы Ляли Рублёвой. Записали сразу и превосходно. Эта песня вошла в наш шансонный диск с одноименным названием «Голубое платье».

Фестиваль в Араде

Я часто кручусь в своих воспоминаниях по Израильскому периоду, который продолжался, ни много ни мало, десять лет. Есть что вспомнить. Самое посещаемое культурное мероприятие в Израиле – это, безусловно, музыкальный фестиваль в Араде. На беспрецедентный по своей значимости фестиваль съезжались люди со всей страны и туристы со всего мира. Это была огромная, разношерстная толпа. Все хотели посмотреть красочное музыкальное шоу.

На огромном поле с зеленой травой располагался центр фестиваля с рядами различных магазинчиков, торгующих всевозможными товарами, молодежь, одетая в красивые, порой очень хиповые одежды, повсюду слышен смех, царит нескончаемое веселье, слышится речь на всех языках мира. И всех здесь объединяет музыка и свобода. Люди ведут себя настолько непринужденно, порой кажется, что они вовсе потеряли рассудок от нахлынувшей свободы.

Мы с Лялей дважды выступали на этом фестивале. Первый раз – в составе группы нашего друга, популярного израильского певца Ханана Йовея, второй раз – сольно, на огромной сцене. У Ляли был сумасшедший успех. По окончании концерта к нам со всех концов подбежали

журналисты, чтобы снять нас для ведущих каналов телевидения, взять интервью у певицы. Ляля была воодушевлена горячим приемом и искренне говорила журналистам о том, что ей нравится работать для любой аудитории, что она получает удовольствие от выступления и расширяет репертуар песен на иврите. Внезапно царящее всеобщее праздничное настроение нарушил, даже разорвал, страшный крик. Он исходил от людей, несущихся прочь от другой большой площадки, которая находилась от нас на расстоянии пятисот метров, где в это время должно было начаться выступление суперпопулярной молодежной группы «Машина». Там произошла трагедия.

Площадка и так очень вместительная, но «смекалистые» организаторы продали билетов вдвое больше, чем было мест. Территория, где должен был состояться концерт, была обнесена высокой металлической оградой с воротами. Народ запустили, было тесно, и началась толкучка. Мест всем не хватало. В итоге, ворота рухнули и придавили своей тяжестью молодых людей, поклонников группы «Машина», приехавших на концерт. Так печально закончился фестиваль музыки в Араде даже для нас, кого трагедия не коснулась непосредственно. Эмоции резко сменились с радостных на прямо противоположные. И ребятишек очень жалко.

Королева шансона и красный унитаз

Очень уж любили, да и сейчас, по-прежнему, любят приглашать советских артистов в места

проживания бывших советских граждан. Так случилось и в Новогоднюю ночь в Рамат-Гане, что является частью города Тель-Авив, накануне, если память мне не изменяет, 1999 года. Наш знакомый, израильский продюсер, решил организовать, как, впрочем, и каждый год, встречу Нового года на широкую ногу. Известно: без звёзд дело не пойдёт.

Были приглашены композитор Максим Дунаевский с певицей, с которой мы до того момента не были знакомы, Аркадий Арканов со Львом Оганезовым, композитор Владимир Рубашевский с Марией Лукач и мы с Лялей как шоу-бренд «Сувенир». К моей глубокой печали, намеревая простудился и напрочь потерял голос, то бишь охрип, как в сказке: «Открывает щука рот, но не слышно, что поёт».

Вот в таком «весёлом» раскладе мы приехали в банкетный зал, где должна была происходить новогодняя гулянка. Первый, кого мы встретили, был Максим Дунаевский, с которым нас задолго до этого познакомил композитор и аранжировщик Дмитрий Атовмян. Вместе с ним Максим создал много работ в кинолентах «Три мушкетера», «Ах, водевиль», «Карнавал», «Мэри Поппинс» и других. Мне посчастливилось принимать участие в записях музыки к фильмам, играя партию саксофона.

У нас с Максимом были очень тёплые дружеские отношения. Не виделись мы много лет, а встретившись на Святой земле, очень обрадовались и тут же отправились в буфет отпраздновать это событие. Новогодний вечер прошёл на одном дыхании, было весело, празднично, вот только я так и не смог издать ни одного звука, даже выпивка не помогла. По окончании торжества, мы дружной музыкантской компанией вместе с нашим любимым Максимом Дунаевским продолжали отмечать Новый год, а моя жена и певица Ляля Рублева никак не могла нас остановить, чтобы отвезти домой. Наконец, прозвучал последний тост, мы распрощались и отправились к нашей машине.

Если помните, дорогие читатели, я уже рассказывал, что после дефолта 1998 года мы поиздержались в России с деньгами, и в нашем распоряжении из автотранспорта был только «Жигулёнок» пятой модели красного пожарного цвета, купленный по случаю у соседки. Вот на этой машине, которую наша дочка Алиска с юмором

величала «Красный унитаз», нам и предстояло ехать домой. Конечно, за руль меня Ляля не пустила, сказав:

– Борюнь, ты сегодня «не копенгаген». Сядь рядом с Изюмом и помалкивай.

Изюм – это наш клавишник. Я безропотно повиновался. Мы благополучно доехали до дома и улеглись спать. Наутро проснулись, глянули с Изюмом в окно и... ой, мама дорогая! Ночью кто-то треснул нашего «Жигуленка» по задней его части. Оказывается, Лялюня, уставшая после Новогодней ночи, парканула «Красный унитаз» на углу улицы, и какая-то нахальная машина его безнаказанно обидела.

Зная, что Ляля будет переживать, и пока она еще не успела увидеть зрелище, мы с Изюмом помчались на улицу, чтобы хоть как-то исправить создавшееся положение. Как смогли, вытянули помятый багажник нашего кормильца, а это было именно так: красненький автомобильчик был настоящим спасителем, он всегда выручал нас в непростой момент жизни.

Вспоминаю, как Ляля иногда ездила на выступления без меня и работала с другими музыкантами. Одевшись дома в красивое концертное платье, она отправлялась петь в какой-нибудь фешенебельный ресторан или престижный концертный зал. Ей приходилось парковать антикварный автомобильчик, не доезжая до места выступления, и пешочком, с гордым видом входить в зал, не показывая никому, что она приехала на

машине без кондиционера в тридцатиградусную жару. Но, как говорится, искусство требует жертв. А когда наша будущая королева шансона возвращалась домой, то Алиска, наша дочка, допоздна сидевшая у окна, поджидая мамочку, услышав звук подъезжающего автомобиля, который невозможно было ни с чем перепутать, с гордостью сообщала:

– Пап, смотри, твоя королева на красном унитазе приехала, беги встречай.

Так и ездили мы с Лялей до самого конца нашего пребывания в Израиле на этом прекрасном создании советского автопрома, который так же мужественен и стоек, как и земляки его создателей, оказавшиеся в эмиграции.

Мицва, или как я летел из Израиля в Америку

Все верующие люди, независимо от национальности и вероисповедания, знают, что такое благой поступок. Но далеко не у каждого, например, христианина, который собрался помочь едва знакомому человеку, пронесется в голове мысль: «Мне за добро воздастся. Наверное, должно». У евреев таких мыслей не бывает. Мицва у евреев в крови. Других вариантов они просто не знают и даже не раздумывают, как поступить, если кому-то требуется помощь, а они могут ее оказать.

В апреле 2001 года я добрался до берегов Америки. Честно говоря, ехать одному было не очень

комфортно: побаивался уезжать из Израиля, покидая дом и семью. Ехал я в полную неизвестность, так как, кроме израильского паспорта с американской десятилетней визой, больше ничего за душой у меня не было. Так что ехал, как говорится, на удачу. Всем известно, что Израиль — демократическая страна, созданная Богом, для проживания там евреев и членов их семей, а я своих членов оставил на исторической родине, и из-за этого тоже сильно переживал. Но моя Лялечка готовила меня к этому серьезному шагу и приговаривала:

— Не бойсь, давай попробуем, Америка всем дает шанс.

Надо заметить, что ехал я, всё же, не на деревню к дедушке, а по договоренности с нашим добрым другом, проживающем на Брайтон-Бич, признанным «крестным отцом русского шансона» Мише Гулько. Ну вот, проводы позади, самолет взмыл ввысь, унося меня из любимого мной Израиля, впереди маячил Нью-Йорк. А пока я кручу в голове, как прилечу, как пройду паспортный контроль, о чем меня будут спрашивать американские погранцы, куда я еду, к кому, зачем... Мне же нужно было получить печать в паспорте на пребывание в Америке на полгода, и по этому поводу я тоже переживал.

Мой английский был на уровне седьмого класса московской спецшколы. Эти познания давали мне возможность услышать, что говорят, и «пробекать» кое-что в ответ. На радость, рядом со мной в самолете расположилась семья из трех человек: папа и двое пацанчиков в кипочках лет тринадцати на вид. И я понял: вот оно, мое спасение. Говорили они между собой на английском, вставляя слова на

иврите. Я разговорился с мальчишками, и их отец также вступил в разговор. В общем, они взяли надомной шефство. Прилетев в Нью-Йорк, мы вместе вышли из аэропорта. Шимон, как звали отца детей, сказал на границе, что я их родственник, и мне без проблем поставили полугодовую визу. Я был безмерно счастлив.

Ну, вот она, Америка!

Я приехал на Брайтон-Бич авеню, в центр русской эмиграции, без которой не было бы жизни в США для русскоговорящего люда, понаехавшего сюда со всей необъятной территории бывшего Советского Союза. Говорить на английском многие обитатели этого района так и не научились, привычно общаясь между собой по-русски. Меня радушно встретила Танечка, жена Миши Гулько (самого его в Нью Йорке в эти дни не было, он был на гастролях по городам России). От этого теплого приема в доме Гулько на сердце сразу отлегло и, я понял, что здесь, в Нью-Йорке, будет наш новый дом.

Через несколько дней Миша вернулся из Москвы, он стал водить меня по Брайтону и знакомить со всеми обитателями этой живописной улицы, где расположены популярные русские магазины, рестораны и где снуют туда-сюда русскоговорящие выходцы из бывшего СССР. Мишу все приветствовали и было видно, что его здесь любят и уважают.

Рассказывать про Брайтон, где всякий новоприбывший гражданин находит для себя все, что

ему нужно, трудная задача. Публика, циркулирующая взад и вперед по этой авеню, довольно специфическая. Вам могут сходу нахамить, а могут приласкать, приютить и поддержать в трудную минуту. Артисты из России обожают Брайтон. Здесь находится святая святых – русский концертный зал, в который в порядке живой очереди или по записи, как в поликлинике, едут артисты «made in Russia». На них наш брайтонский лохотром ведётся как на мёд и платит свои пенсионные денежки. Своих, местных, эмигрантских артистов, ничем не уступающих заезжим гостям, а скорей наоборот, жалуют несильно и посещают концерты, желая, чтобы это были, в основном, бесплатные или, как говорится, шаровые.

В дальнейшем Миша Гулько очень помог нашей семье в становлении в новой стране и выступил в роли селебрити (англ. star – человек, достигший успеха в своей области, ставший широко известным среди самых разных слоёв населения и привлекающий повышенное внимание телевидения и прессы. Наиболее часто звёздами становятся театральные и киноактёры, певцы и певицы, спортсмены, представители сферы шоу-бизнеса и развлекательной индустрии – манекенщицы, фотомодели и т. п.) для получения грин-карты.

Америка принимает талантливых

Может быть, господа артисты, спортсмены, научные работники и др., вам будет интересно узнать, что Америка принимает талантливых людей в разных областях, только нужно суметь доказать, что вы

являетесь подходящей кандидатурой. К нашей с Лялей огромной радости нам повезло, и мы стали счастливыми обладателями грин-карт как особо одаренные в области культуры. Правда, для этого, нами было много чего сделано в нашей предыдущей жизни: было выпущено несколько аудио-альбомов, мы стали лауреатами нескольких фестивалей и конкурсов, объездили от Израиля практически весь мир, выступая перед разными аудиториями, и дважды побывали с концертами во многих городах Америки. Я думаю, что мы вполне заслужили получение грин-карт, и, тем не менее, нам нужно было всё это доказать. А вот, что предшествовало получению заветной грин-карты.

Моя супруга Ляля, дочка Алиска и наш дружок пудель Арчелло приехали в Америку через несколько месяцев после меня. Старший сын Андрюшка воспользовался моим отъездом из Израиля и, недолго думая, отправился жениться в Краснодар, познакомившись с девочкой по Интернету.

Мы на ближайшие пять лет оказались оторванными от концертной жизни и выехать из Америки без документов никуда не могли, в том числе и на похороны наших близких. Цена эмиграции была высока.

В общем, наша концертная деятельность могла проходить только внутри страны. Мы, по возможности, выступали на всех концертах для русскоговорящей публики и пели в Нью-йоркских ресторанах. Но в моей беспокойной голове то и дело зарождались всё новые и новые планы по концертной работе по России и по раскрутке моей любимой жены

Ляли Рублёвой. Этому суждено было случиться, но немного позже.

Конкурс парикмахеров

Мне вспомнился ещё один интересный момент про конкурс парикмахеров, который предшествовал моему отъезду из Израиля в Америку. Это был последний, финальный аккорд в нашей концертной и продюсерской деятельности на исторической земле. Вообще, за десять лет нашего пребывания в Израиле мы с Лялей организовывали и проводили множество концертов, на которые приглашали разных артистов и сами принимали в них участие, но такого аферистического заворота мысли со стороны устроителя мероприятия нам видеть ранее не доводилось. И вот, оно случилось.

Дело было так. Один предприимчивый товарищ обратился к нам с просьбой помочь организовать концертную программу для все-израильского конкурса парикмахеров, который он решил провести на сцене самого престижного на тот момент Тель-Авивского концертного зала «Синерама». На минуточку: зал на три тысячи мест, в котором любили выступать все звезды местной эстрады и заезжие знаменитости. Ок, мы подтвердили свою готовность участвовать в проекте и принялись обсуждать, кого из артистов пригласить на выступление. А пригласить было кого. В Израиле в то время проживали известные артисты из бывшего СССР Михаил Козаков, Валентин Никулин, Максим Леонидов, Ян Левинзон и многие другие.

Талантливые исполнители, приехав из России, к тому времени еще не смогли освоиться на израильском рынке и найти себе применение по прямому назначению – в качестве артистов.

Мы с Лялей понимали, что для людей, проработавших в театрах и на эстраде, каждый концерт был как глоток воздуха, обретения уверенности в себе и понимания, что ты нужен людям. Со всей серьезностью мы подошли к организации концерта, и вот наступил день конкурса. Собралось огромное количество народа. Прибыло множество солидных спонсоров, вложивших свои деньги в это мероприятие, приехала съемочная группа Первого канала Израильского телевидения, конечно, бригада RTVI с шестью камерами. Все очень серьезно. Сам конкурс должен был проходить на сцене концертного зала, и по сценарию, пока парикмахеры на глазах изумленной публики занимаются со своими подопечными, на пандусе сцены должен был идти концерт мастеров искусств. По обрисованной картине, можно себе представить, какие денежные средства крутились в этом проекте.

Мы с Лялей, как всегда, заранее разложили денежное вознаграждение для всех участников программы по конвертам, хотя от организатора конкурса не получили еще ни копейки. Ляля обратилась к нему с вопросом, когда он собирается заплатить артистам.

– Не беспокойтесь, всё получите после концерта, – последовал ответ.

Но это нас явно не устраивало. В нашу бытность в Израиле, нас научили, что никакого «потом» не бывает. Мы решили, что ждем полчаса и, лучше позже будем краснеть и бледнеть перед нашими приглашенными артистами, чем этот замечательный импресарио нас кинет. Давид (назовём его так) сразу смекнул, что мы можем отменить всех артистов и убить ему конкурс, на наших глазах вытащил из-под какого-то ящика в буфете сверток, в котором оказались принадлежавшие нам деньги. Мы с Лялей вырвали то, что нам по праву принадлежало. Давид был страшно недоволен и что-то ворчал сквозь зубы. Но нам было на него глубоко наплевать. Концерт состоялся, успех конкурса был бешеный. Телевидение снимало весь концерт, даже телевизионщики Первого канала, приехавшие отнять минут пятнадцать, не выключали камеры от начала до конца.

Но насколько мы с Лялей были правы, вырвав деньги у Давида и расплатившись с нашими артистами! Организатор, таки, оказался аферистом. Больше он не заплатил никому. Телевидение RTVI не смогло смонтировать фильм. Обслуживающий персонал зала тоже остался в прогаре. Спонсоры рвали на себе волосы. А Давид сбежал из страны. Концерт окончен.

Как потратить с умом три тысячи долларов

Представляете, в понедельник утром у нас событие, которого мы ждали полтора года – интервью

на получение заветной грин-карты. Сразу хочу заметить, что очень многие соискатели этого заветного документа тратили по полжизни на ожидание сего дня, правда, были и такие, которым этот Божий дар попал в руки без усилий и переживаний, и они, не выстрадав Америку, так и не научились её любить. Но мой рассказ о том, как, попав в эту гостеприимную страну, мы с Лялей поняли, что это наш подарок от Бога. Мы высоко ценили то, что находимся здесь. Но, чуть ли не накануне долгожданного интервью с нами случилась удивительная история.

Как вы уже знаете, мы артисты и зарабатываем с концертов и частных приглашений. Так вот, за несколько дней до интервью мы получаем приглашение работать на свадьбе, правда, далековато от нашего дома. Мы живём в Нью-Йорке, а ехать развлекать людей надо, на минуточку, в штат Иллинойс, то бишь в сам Чикаго. Расстояние – тысяча двести километров, езды не менее тринадцати часов, это если очень сильно повезёт и не будет дорожных пробок. Но мы с Лялей два раза не думали. Сразу приняли решение, что выезжаем заранее, приезжаем в забронированную для нас гостиницу, отдыхаем, отрабатываем и тут же, в ночь, движемся назад, в Нью-Йорк. В понедельник утром мы должны, как штык, быть в здании «Федерал плаза» Манхэттена.

Путешествие оказалось довольно-таки приятным, машина у нас на то время была «Додж минивэн», не сильно новая, нагруженная аппаратурой по «самые некуда», рулили мы с Лялей попеременно (жена моя не только королевишна шансона, она

лучший друг и мой помощник во всём). На всякий случай, мы договорились, если с машиной на обратном пути что-то произойдет, бросаем её со всем скарбом и на чём угодно добираемся до Нью-Йорка. Главное – «Федерал плаза».

Всё получилось, как мы хотели и как было угодно Господу Богу. Доехали до Чикаго вовремя, отдохнули в прекрасной гостинице, отработали на следующий день свадьбу и возвратились без происшествий домой. Шоу было позже.

Шоу на «Федерал плаза» города Нью-Йорка

Когда мы утром прибыли в «Федерал плазу», у нас в кармане было ровно три тысячи долларов. Эти деньги мы честным трудом заработали в поездке в Чикаго. Пришли мы на интервью втроем: Ляля, Алиска и я. Зал этого важнейшего Нью-Йоркского офиса, отвечающего за эмиграционный процесс в штате, был переполнен. Тут были представители всех конфессий со всех концов света. Все эти люди, как и мы, были счастливчиками, им тоже повезло в жизни, и сегодня они получают одобрение на дальнейшее проживание в этой великой стране. Так я думал себе в предвкушении того, как же у нас всё сложится.

Через час-полтора прозвучала наша фамилия. Нас пригласили пройти в отгороженную комнату без потолка. Надо сказать, что все эти комнатки в офисе были без потолков, а состояли только из перегородок, наверное, чтобы ничего лишнего там никто не болтал. Мы вошли и заняли предложенные места перед

столом. На нас пристально смотрела офицер эмиграционной службы, женщина-корейка. Спросив у нас, хорошо ли мы понимаем английский и получив ответ, что мы «не очень, а наша дочка знает язык и совершенно свободно сможет нам перевести» и посмотрев на нас ещё внимательнее, офицерша сказала: «Нет, я вызываю переводчицу». Пришла полька-переводчица и, процесс пошёл. Нам задавали самые разные вопросы, и вдруг, окинув меня взглядом, мадам спросила:

– Кто вы?

– Музыкант, композитор, – гордо ответил я.

Взгляд офицерши перешёл на мою супругу и, прозвучал вопрос:

– А вы, вообще кто?

Ляля тихонько сказала, что она, вообще-то, певица. Вдруг наша офицерша скомандовала:

– Пойте!

Ляля оторопела от неожиданности и посмотрела на меня. Переводчица, думая, что мы не врубались в то, что сказала офицер, повторила ее слова.

Я думаю, что не каждый день в Манхэттене, в самой «Федерал плазе», происходят такие шоу. Ляля запела первое, что пришло в голову и оказалось супер-правильным. Зазвучала «Мемори» из

репертуара Барбары Стрейзанд. Спев часть произведения, Ляля остановилась, и мы оба посмотрели на нашего офицера. Она смотрела на нас с одобрением, и вдруг её осенило:

– Вы же русские?! Пойте по-русски!

Похоже, она решила немного разрядить работу своего офиса в середине дня, перед обедом. Мы с Лялей запели «Ой, цветёт калина в поле у ручья, парня молодого полюбила я». Это был успех. Мы распрощались с нашей милой офицершей и, под бурные аплодисменты остальных работников офиса, вышли в общий зал. Но здесь нас ждал сюрприз. Через несколько минут нас пригласили к столу, где сидели секретарши. Они сообщили, что в наших документах не хватает продления белой карточки (это то, что вы получаете при въезде в Америку). Мы сразу поняли, что это ерунда и у нас такого форс-мажора быть не могло, потому что наша адвокатша Элайза всё делала четко. И всё же, мы занервничали и срочно стали звонить в адвокатский офис. Наш адвокат была занята с клиентами и начала было говорить, что не может общаться, но когда Ляля ей сказала, что наше дело закроют и мы пролетим с грин-картой, последовало короткое:

– Ждите. Лечу.

Через двадцать минут Элайза была на месте. Поговорив с секретаршами и даже попробовав с ними поругаться, она подошла к нам и сказала:

– Да, ребята, расклад такой, ничего мы сейчас с ними не решим. Видимо, у них есть разнарядка получить со счастливчика, обладателя грин-карты, тысячу долларов. Надо платить, или они аннулируют грин-карту. Если у вас денег нет, я за вас заплачу, потом разберёмся. Мы поняли, как с умом потратить три тысячи долларов, достали наши честно заработанные деньги и внесли в кассу Федерал плаза, о чём совершенно не жалею, так как мы живем в лучшей в мире стране – Америке.

Наша «Карусель»

Время шло своим чередом. Мы неплохо работали в Америке, выступали в концертах, которые устраивали различные организаторы администраторы, понаехавшие из бывшего Союза. Ну и, конечно, не забывали нашу кормилицу – ресторанную работу, которая, в сущности, и приносила нам приличные дивиденды, на них можно было достойно жить. Правда, у нас не сильно ладилось с хозяевами ресторанов, так как, в основном, они разбирались больше в котлетах, чем в музыке. Но каждый считал своим долгом «советовать» нам, ничего не понимая в нашей работе. Мы с ними часто ссорились и меняли кабаки, один за другим. Таким образом, мы поработали во многих заведениях Нью-Йорка, да и не только.

В один прекрасный день наш очередной хозяин ресторана в Бруклине предложил пойти к нему в партнеры и вместе открыть ресторан. Это было что-

то новенькое для нас, и мы с Лялей, недолго думая, согласились. В принципе, большой ошибки мы не сделали. Появилось ощущение, что, действительно, наш статус изменился, и уверенность, что никто уже не будет терроризировать словами: «Пойте, музыканты, чего вы сидите?»

Поначалу всё так и было, но вскоре обстоятельства изменились, и мы с Лялей поняли, что эта ситуация нам не подходит. Как только пошла прибыль, причем, приличная, отношение к нам партнера поменялось, и он решил прижать нас с процентами. Посчитал, видимо, что живая музыка для привлечения посетителей в ресторан роли не играет. Почувствовав это, мы попросили дать нам возможность выйти из бизнеса. Он согласился и, мы расстались по-джентльменски. Но сразу от года работы в новом качестве мы, все-таки, вкусили и стали искать ресторан в Бруклине, чтобы «взять» его уже нашей семьёй, без партнеров.

«Карусель» – начало семейного бизнеса

Шел 2005 год. Ресторанный бизнес стоил приличных денег. Мы искали такой ресторан, покупку которого потянем материально. Предстояло платить аренду, страховки, покупать продукты, оплачивать всевозможные счета за свет и газ, платить зарплаты нанятым работникам, давать рекламу на радио, телевидении, не говоря о том, что нужно ещё и себе заработать. Есть над чем подумать, но мы ребята такие: увидели перед собой цель и взялись за дело.

Назвали мы наш ресторан «Карусель». Месторасположение его было не самое лучшее, но в тот момент нас это не испугало. Ресторан мы взяли из рук восточной семьи – грязь, хлам и разруха. По ночам мы с Лялей загружали наш минивэн доверху всей этой восточной грязью (старыми, протертыми коврами, диванами, ломаной мебелью), развозили по разным уголкам Бруклина и разбрасывали где только можно под страхом быть пойманными. Конечно, сделали косметический ремонт, вложили хрену тучу денег в интерьер, сделали приличное домашнее банкетное меню. Наш отменный повар и добрый приятель Олег построил еще и беседку на заднем дворике, которая стала изюминкой, и мы стали принимать заказы.

Администратором ресторана выступала наша молоденькая дочка Алиска. Она очень мягко разговаривала с клиентами, хотя поначалу все очень боялись иметь с ней дело. Клиентов понять было можно: совсем молоденькая хорошенькая девочка всё очень толково рассказывает. А вдруг, думали они, мы придём справлять торжество, а девочка всё перепутает? Но это было только поначалу. Вскоре все привыкли к Алиске и хотели вести переговоры только с ней. Мы с Лялей крутились, как белки в колесе. Работали на нашей основной работе в центре культуры и отдыха для пожилых людей, выступали где только могли с концертами, а вечером, нагруженные всем, чем только можно для ресторана, летели в нашу любимую «Карусель».

Ресторан начинается с туалета

Наша «Карусель» стала местом встреч с добрыми друзьями. Теперь все наши знакомые и их друзья предпочитали проводить свои торжественные мероприятия в нашем ресторане. Мы делали всё возможное, чтобы люди, придя к нам, получали максимум удовольствия. Зал был оформлен моей женой и дочкой с большим вкусом, особенной славой пользовался ... наш туалет. Смех смехом, но наши клиенты на полном серьёзе просили моих девочек: «Ваш туалет – это произведение искусства, в нём так уютно, поставьте, пожалуйста, нам столик на двоих именно там». Алеся и Ляля с большой любовью украсили наши великолепные туалетные комнаты. Их в нашем ресторане было две. Оформление было настолько разнообразно и неповторимо, что наши клиенты переходили из одного в другой с радостными возгласами и иногда, вообще, забывали про еду и своих гостей. В нашем «карусельевском» туалете со стен свисали экзотические лианы, на посетителей смотрел необыкновенной красоты павлин, а маленькие попугайчики, специально купленные на островах и привезённые в подарок для нас, пели и покрикивали своими механическими голосами.

Однажды наш уникальный туалет даже соединил сердца двух человек, которые долгое время были в разводе. Они встретились в нашем ресторане на дне рождения их сына, вместе зашли в туалет, слились в безумной страсти и, находясь в атмосфере туалетного уюта, чуть было не разломали наш унитаз.

Но всё обошлось и, выходя из нашей «Карусели», они выглядели безумно счастливыми.

Наша кухня с «наполеоном», блинами, восточными, европейскими и русскими блюдами также всегда была на высоте. Наш повар Олег, которого мы всерьёз звали мамой, был непревзойденным мастером домашней кухни. Он говорил, что никаких курсов поваров не заканчивал, а научился готовить от своей мамы. Честь и хвала мамочке, она воспитала талантливого человека и повара.

Музыкальный сувенир на радио Дэвидзон

Мы с Лялей всегда старались держать нос по ветру и, видя, что иногда у нашего ресторана случались перебои в работе, понимали, что без рекламы, которая, как известно, является двигателем торговли, не обойтись. Мы решили, для поддержания работы и привлечения клиентов, создать свою программу на русском радио в Нью-Йорке. Обратившись к владельцу радио «Дэвидзон» (Davidzon Radio), получили согласие на создание музыкально-информационной программы, которую назвали «Музыкальный сувенир».

Программа вышла в эфир и довольно быстро заслужила одобрение и любовь слушателей. В передаче звучали любимые мелодии, рассказы об интересных событиях, интервью с деятелями культуры и искусства, а также песни в исполнении певицы и главной ведущей, которой, конечно, была королевишна шансона Ляля Рублёва. Я был её

соведущим и подъялдыкивал ей в меру своих способностей. Ляля уже имела опыт работы ведущей – на московском ТВ в программе «Московский шлягер».

Радиоэфир был интерактивным. Во время программы нам звонили радиослушатели, одна часть передачи была в виде викторины, победивший получал приз – поход в ресторан «Карусель». «Музыкальный сувенир», просуществовав почти два года, очень помогал в работе нашего ресторана. Люди приезжали из разных штатов Америки, приходили в ресторан и перво-наперво благодарили нас за музыкальную программу. Надо вам сказать, мои дорогие читатели, что работа на радио в открытом эфире требует огромной работы и предварительной подготовки. Мы с Лялей крайне ответственные. Всю неделю, предшествующую радиопрограмме, выходящей по субботам, мы работали в центре культуры и отдыха в Нью-Джерси. Эту работу мы совмещали с ведением ресторанного бизнеса. В итоге, проработав на радио почти два года, мы безумно устали и решили приостановить наше сотрудничество с радио «Дэвидзон» до лучших времён.

Всё, как в лихие девяностые

Как жаль, что лихие девяностые в России – это хроническая болезнь с рецидивами. Дикая история произошла с нами в 2010 году на просторах Российской Федерации. Мы, по-прежнему, продолжали попытки гастрольной деятельности по городам России и ни сном ни духом не ведали, что

такое может случиться. Надо вам сказать, что работать на кассу практически никто не пытался, кроме, конечно, «общепризнанных звезд». Перечислять не буду. Вы их хорошо и поимённо знаете, а некоторых при появлении этих обаятельных мордашек на экранах ТВ снова и снова, даже уже тошнит.

На тот момент мной и моей очаровательной супругой Лялей Рублёвой было записано и выпущено (на собственные средства) несколько аудиоальбомов и один видеодиск. Продукция продается на интернет-порталах, на «Горбушке», в магазинах «Союз» и пр. Мы ни от кого не скрываемся. Наш телефон для организации концертных выступлений можно легко найти на нашем сайте и на других интернет-ресурсах, собственно, как и у всех артистов. И вот вам ситуация.

Будучи музыкантом, я был вынужден по совместительству быть и концертным директором, искать возможности организации концертов по регионам России. Найти профессионального администратора для организации концертов и гастрольных туров, который бы не воровал и мало-мальски соображал в профессии, нам не удалось. При громких криках воротил шоу-бизнеса о том, что Ляля – супер, и прочих дифирамбах, работать с Лялей они отказывались. Объясняли это тем, что им невыгодно продюсировать профессионала. С хорошей, но не раскрученной артисткой много мороки. Куда прибыльнее взять пэтэушницу, платить ей три копейки, заставлять выходить на сцену и демонстрировать свои оголённые тела, совсем не напрягая голосовые связки. То есть кривляться под

фанеру, заодно успешно осваивая другой эстрадный жанр – пантомиму. Но при этом подписать «артистку» на договор лет на пять и все деньги загребать себе, рассказывая при этом, что они вкладывают огромные средства в выпуск «суперхитов» и клипов. Такова приблизительная схема шоу-бизнеса по-русски.

Вот, в такой обстановке и с соответствующим настроением я и познакомился на популярном интернет-портале с одним человеком (имени называть не буду). Этот человек предложил помощь в организации концерта в одном из Российских регионов. Мы договорились, что передадим материал (CD-диски, видео и афиши) и с оказией отправили всё в город N. Буквально через несколько часов после отсылки промо-материала, мы получаем по телефону смс-ку, содержание которой я передаю полностью: «Борис или как вас там, вас беспокоят воры в законе, так скажем. Вам придется заплатить тысячу долларов, если хотите спать спокойно. За всякую деятельность нужно платить, если не хотите проблем. Сумма небольшая, зато будете спать спокойно, номер счёта: Яндекс. Деньги. Ждём двое суток, не получим деньги, вас навесят два брата, звонить не станем, дел много, наверно, всё поняли». Сначала мы подумали, что это шутка, но на следующий день мы получили следующее послание: «Время идёт, не получим деньги, обольём певицу кислотой».

Надо вам сказать, что сильной радости от этого послания мы не ощутили. Это что же получается: можно взять любого творческого человека, который с огромными трудностями и огромными материальными вложениями выпустил своё детище,

пытается изо всех сил его раскрутить, зачастую во многом себе отказывая, а когда это попадает в магазины и на интернет-порталы, то любой может, купив этот диск или зайдя на сайт, начать шантажировать артиста?! Контактные телефоны артисты не скрывают, какой в этом смысл?

В город N мы не поехали, я не стал рисковать здоровьем жены. Такие придурковатые «шутки» частенько устраивают раскрученные и наглые, с вашего позволения, артисты.

Картина предельно проста: некий певун, который сам не так давно пел в одном из кабаков, на бабки местных бандюков приезжает в столицу нашей Родины. Начинает, как и все, обивать пороги студий и различных продюсеров. Никто его к себе не берёт, потому что никакого таланта у него нет, но за ним стоит бандитское бабло, и это, в конце концов, срабатывает. Вот он уже зазвездился и, прикупив несколько удачных песенок, становится кумиром и начинает концертный чёс по городам и весям. Приезжая в некий город N, он собирает на продаже билетов на свой концерт все денежные средства у всех возможных воздыхателей, которые от него тащатся. Другим артистам после его концерта в этом городе делать нечего, никто не придёт на их выступление – денег у народа больше нет. А чтобы «звезде» никто не мешал, его помощники выкидывают вышеописанные трюки.

По сочинскому серпантину

История нашей жизни продолжается и, впереди будет еще немало интересных встреч и знакомств, записей и выступлений и, несомненно, курьезов. Но пласт Россия – Израиль – Америка можно подытоживать. Не сами события, а мысли. На самом деле всё, что произошло с нами за двадцать шесть лет, было вполне закономерно. То есть, я по велению своего сердца, а может быть, из-за упрямства, вытащил семью из Москвы и сделал из всех нас настоящих эмигрантов, со всеми вытекающими последствиями.

Больше всего многие годы негодовала моя жена Ляля, которая то и дело задавалась вопросом, зачем было уезжать из России? Но пройдя долгий, двадцатилетний путь эмигранта и, в настоящее время проживая в прекрасном городе Нью-Йорке, она пришла к выводу, что этот шаг, всё-таки, был правильным.

Заключительным гастрольным туром 2012 года от Сочинской филармонии стала для нас поездка с группой исполнителей любимого народом жанра «шансон» с концертами, посвященными шансонье Михаилу Кругу. Гастроли были, к сожалению, организованы из ряда вон плохо. Реклама практически отсутствовала. Кто был в этом повинен, трудно сказать. Правда, накатались мы вдоволь по сочинскому серпантину и даже заехали в Абхазию (Гагры и Пицунду) и посетили всевозможные станицы Краснодарского края.

Везде, где народ собирался на наши концерты, приём был, как и в старые добрые времена, хлебосольный и вино-водочный, напоминая нам с Лялей нашу работу в Росконцерте и различных филармониях.

Следом за нами по ежегодному летнему маршруту ехали российские звездные знаменитости Ф. Киркоров, В. Кузьмин, которые так же терпели фиаско, не собрав на свои концерты достаточного количества зрителей, чтобы заработать. И только «неповторимая певица» Натали с песней «О, боже, какой мужчина» прошибала сгорающих на солнечных пляжах отдыхающих, которые толпами перли посмотреть на диву. В общем, протолкавшись на югах полтора месяца и вдоволь насладившись гастрольной деятельностью, мы отправились домой, в свой Нью-Йорк и решили, что больше на такие аферы не подписываемся.

Эпилог

Дорогой читатель, в моем повествовании практически отсутствует выдумка. Всё, что вы прочитали на страницах книжки, с нами действительно происходило. Двадцать шесть лет в эмиграции и предшествующие годы в России – внушительный период жизни. Встречи, знакомства, переезды, обустройства, репетиции, записи, концерты, фестивали – много интересного было на нашем пути. И не все было радостно – случались и трудности, и разочарования. Но зато есть, что вспомнить.

Теперь немного о настоящем. На сегодняшний день мы живем в Америке, куда так сильно смолоду рвалась моя душа. Наши дети (а у нас с Лялей на двоих их трое: двое взрослых замечательных сыновей – Андрей и Владислав и дочка Алиска) по воле судеб проживают со своими семьями в разных странах и городах и уже одарили нас прекрасными внуками. Мы с Лялей, по-прежнему, отданы своей любимой профессии – дарим радость и тепло нашим любимым слушателем здесь, в Америке, а также выезжаем на заказные мероприятия в любую точку земного шара, благо русскоговорящая публика теперь проживает по всему миру.

Всем, кто захочет познакомиться с нашим творчеством поближе, рекомендую посетить наш вебсайт <https://rubleva.us/>, где вы сможете найти всю информацию о нашем творчестве, прослушать

аудиозаписи и посмотреть огромный видеоархив, перейдя с сайта на канал в «YouTube». Будем рады вашим откликам и комментариям.

С уважением Борис Людковский и Ляля Рублёва